

Ольга Висмут

Недоtroга
ДЛЯ БАНКИРА

Ольга Висмут
Недотрога и Банкир
Серия «Мои любимые боссы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69153217

SelfPub; 2024

Аннотация

– Твои деньги я не возьму, – бормочу, стараясь не смотреть на него. – Не стоит беспокоиться.– Почему нет?– Потому что не знаю, как возвращать! – отвечаю сердито. – И вообще, какое тебе дело до моих проблем?– Может, я просто добрый сегодня. Хочу помочь.– Еще скажи, что ты волшебник и прилетел к нам на голубом вертолете! – не сдержавшись, фыркаю я.Игорь протягивает руку и заправляет мне за ухо прядь волос. Касание почти невесомое. Едва заметное. Но оно заставляет мое сердце биться сильнее.– А может, и волшебник. В данном конкретном случае. Почему бы и нет?Он – банкир. А я – простая официантка. Ему тридцать, а мне – восемнадцать. У него – отели и бары. У меня – больная сестра и ненавистный отчим. Между нами не может быть никаких отношений. Я так и сказала, когда он предложил стать его любовницей.Но сейчас Игорь Белецкий единственный, кого я могу попросить о помощи.

Содержание

1	4
2	13
3	18
4	25
5	31
6	36
7	42
8	50
9	57
10	62
11	68
12	76
13	85
14	91
15	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ольга Висмут

Недотрога и Банкир

1

– Ты главное записывай все, что посетитель закажет. Обязательно спроси, есть ли на что-то аллергия, – напутствует меня администратор ресторана – Ольга.

Я машинально киваю, а сама осматриваю зал. От стойки, где мы стоим, отлично видно и столики, и клиентов. Некоторых посетителей я уже знаю в лицо, но сегодня и много новеньких.

Но лишь одного из них я жду всегда с легким трепетом.

Прежде мне не приходилось его обслуживать. Но каждый раз не могу отказать себе в удовольствии: наблюдаю за ним, как мне кажется, незаметно. Стоило ему переступить порог ресторана в мою первую смену, и все – его лицо так и стоит перед глазами. Сам он высокий, широкоплечий. Даже под пиджаком видно, что атлетически сложенный. У него зачесанные назад темные волосы, серые, внимательные глаза и мужественный подбородок, иногда покрытый легкой щетиной, но чаще – гладко выбритый.

Когда он улыбается – на его щеках появляются милые

ямочки. Наверное, именно эти ямочки меня привлекли. Или пушистые, словно у девчонки, ресницы, или низкий, чуть хрипловатый голос, от бархатных ноток которого все внутри сладко сжимается...

А может, все дело в той ауре силы и власти, которая окружает его.

– Карина, ты меня слушаешь? – моя непосредственная начальница щелкает пальцами у меня перед носом. – Давай, просыпайся. Виталий меня крупно подвел, так что на тебе его столики.

– Конечно, – я заученно улыбаюсь. – Все записывать, спросить про аллергию.

– И не забудь повторить заказ вслух. Все поняла?

Раздается мелодичный звон колокольчика. Стеклопанельная дверь открывается, и в зал проходит тот самый мужчина, которого я так жду. Наш постоянный клиент. Игорь Белецкий. Он быстрым шагом проходит мимо стойки и садится за третий столик возле окна. Тот самый, который всегда занимает.

Меня обдает ароматом его парфюма. Букетом из белого мха, сандала и почти осязаемой опасности.

Администратор Ольга, будто охотничья собака, мгновенно вытягивается в струну. Выпячивает грудь, поправляет блузку и профессионально поглядывает на него.

А он даже не смотрит в нашу сторону. Он ни на кого не смотрит, хотя, я уверена, чувствует, что приковал к себе взгляды всех женщин в зале.

Только боюсь, этим дамам, как и мне, и Ольге, тут ничего не светит. Мы для него – пыль под ногами.

Игорь Белецкий – известный банкир. Такие люди заходят к нам, чтобы за один ужин проесть мою месячную зарплату и небрежно оставить на столике пару тысяч чаевых.

– Чего застыла? – шипит Ольга. Она хватает со стойки кожаную папку с меню и буквально втискивает мне в руки. – Иди! Сегодня это твой столик! И чтоб все прошло как по маслу.

По телу проносятся горячие импульсы. Мне становится жарко. Хочется расстегнуть ворот фирменной блузки, он будто мешает дышать.

Прижимаю к себе меню и никак не могу успокоиться, не могу взять себя в руки. Это так иррационально, но мне нравится этот мужчина. Его внешность притягивает меня.

Вряд ли он обратит на меня внимание, даже если я выйду голая обслуживать его столик. Но он всегда оставляет щедрые чаевые.

Обычно третий столик обслуживает Виталик – наш лучший официант, но сегодня он выходной. У других коллег и так полно столов: зал у нас очень большой и по вечерам яблоку негде упасть. А я новенькая, второй месяц на стажировке. Поэтому Ольга и поставила меня на свободное место.

– И главное заказы не перепутай, – добавляет она. – Белецкий этого жутко не любит. Все, ладно. Я пойду вниз. Надо дожидаться начальство.

Ольга поправляет свою безупречную прическу и направляется за стойку. Нравится она мне как руководитель. Всегда держится профессионально и безмятежно. У нее многому можно научиться, и она никогда не отказывает в совете. Конечно, у них какие-то странные отношения с владельцем нашей сети ресторанов. Но я туда не лезу.

Собираюсь с силами и выдыхаю. За окном уже ночь. Белецкий всегда приходит так поздно. Да и мы работаем до последнего клиента.

Официанты у нас в ресторане работают в три смены по восемь часов. Но третья самая сложная, потому что длится, пока не уйдет последний клиент. Обычно до двенадцати ночи, но бывает и дольше. Поторапливать гостей ресторана нельзя. Неважно: час ночи, два или пять утра – клиент всегда прав. Мы обязаны с улыбкой выслушивать их пожелания и все исполнять. От этого зависит наша зарплата и количество чаевых.

Но кто бы знал, как иногда это трудно!

Сжимаю меню и приближаюсь к Белецкому. Главное – не выдать волнения.

– Здравствуйте, меня зовут Карина, – с дежурной улыбкой кладу перед ним меню.

Белецкий отрывается от телефона. Окидывает меня изучающим взглядом. Всю, от аккуратной прически до острых носков форменных туфель. Затем смотрит прямо в глаза.

Меня охватывает жар, зародившийся где-то в груди. Он

волнами распространяется по всему телу, пока я тону в бесстрастных серых глазах мужчины. Меня поглощает их глупина.

– Здравствуйте, – слышится его низкий, бархатный голос. Я замороженно смотрю на красивое мужественное лицо.

– Сегодня у нас фирменное блюдо от шеф-повара...

– Где Виталий? – обрывает Белецкий.

Я нервно сглатываю. Если он сейчас откажется от меня, то будет плохо. Мне позарез нужны чаевые, которые он может дать.

– У него выходной. Сегодня вас буду обслуживать я, – щеки уже треснуть готовы от усердной улыбки.

Белецкий слегка выгибает бровь. Но все же открывает меню. Скользит взглядом по строчкам. А у меня жар приливает к щекам.

Он так посмотрел на меня...

Будто раздел одним взглядом!

Поджимаю губы и достаю из нагрудного кармашка блокнот. Главное все записать и не пялиться на него. Но взгляд то и дело прикипает к мужчине. Сегодня он не в костюме, а в белых джинсах и черной футболке-поло. Короткие рукава подчеркивают широкую грудь и сильные руки. Я почти откровенно пялюсь на мощные бицепсы.

– Вы меня слышите, Карина? – внезапно говорит он.

Я быстро одергиваю себя.

– Да, конечно, – перечисляю его заказ.

Благо умею концентрироваться на словах независимо от того, куда смотрят мои глаза.

Игорь кивает, не забывая при этом осматривать. Его взгляд скользит по моей форме. Задерживается в районе груди, слегка натянувшей пуговицы блузки.

В горле пересыхает.

Белецкий откидывается на спинку дивана, но продолжает буравить меня серым взглядом.

Только хочу направиться к стойке, как вспоминаю:

– У вас есть на что-то аллергия?

Мужские губы расплываются в улыбке, показывая белоснежные зубы.

– На красный перец.

Пересматриваю в блокноте заказ. Только в одном мясном блюде есть перец чили.

– Хорошо, я передам повару.

Ставлю пометку. И нахожу силы отойти.

– Ну как? – интересуется Ольга, когда я несу заказ на кухню.

– Все хорошо, – показываю блокнот.

– Молодец, следи внимательно, чтобы все сделали верно. Этот гость очень важен для нас, – напутствует администратор.

Знаю. Постоянный клиент, который заказывает самые дорогие блюда, в любом заведении на вес золота. Еще и чаевые хорошие оставляет. Спасибо Виталику за выходной.

Пока готовятся блюда для Белецкого, я разношу счета на другие столики. Думаю, сколько же он оставит мне чаевых? И фантазия явно бушует. Если как Виталику, который проговорился один раз, то смогу сразу купить курточку сестре. Уже предвкушаю этот момент. Шелест красивых бумажек.

Постепенно зал пустеет, гости расходятся. Остается один Белецкий. Когда он уйдет – ресторан закроется, и мы разойдемся по домам.

Повара отдают заказ. Ставлю на поднос блюдо с огромным стейком, крем-суп и салат. Несу это в зал.

– Ваш заказ, – улыбаюсь Белецкому.

И натыкаюсь на его взгляд.

Испытывающий. Оценивающий. Властный.

Он будто ощупывает меня, изучает.

Пальцы начинают дрожать.

Наклоняюсь, чтобы поставить поднос на стол. Но что-то идет не так. Я вдруг понимаю, что тарелки съезжают. Пытаюсь удержать поднос в равновесии.

За спиной звенят колокольчики, громко хлопает дверь.

От неожиданности я выпускаю поднос. И все содержимое летит на клиента. Благо тот успевает отпрянуть от стола. Но часть крем-супа оседает на его джинсах.

– Да чтоб тебя, – рывкает Белецкий и начинает стряхивать густые желтые капли.

– Простите!

Я хватаю полотенце, которое всегда ношу на руке. Тянусь

к мужчине, чтобы вытереть пятна на его бедрах. Для этого приходится опуститься на корточки.

Меня колотит от страха: все, не видать чаевых! Дай бог, чтобы после такого Белецкий вообще пришел в наш ресторан еще раз.

Под моими пальцами напрягаются мышцы. Белецкий замирает. Не произносит ни слова.

А я вытираю капли. Но как назло жирные следы все равно остаются! И на белых джинсах они очень сильно видны.

Паника захлестывает меня. Никогда такого не было. Чтобы я вот так отвлеклась и вылила содержимое тарелки на клиента. За все два месяца стажировки в этом ресторане.

Вспышками мелькают в голове предупреждения Ольги: не напортачить, быть внимательной. Особенно к Белецкому!

Перед глазами просто туман.

– Простите, прошу вас, – шепчу лихорадочно.

И все тру, тру его штанины, будто это может чем-то помочь.

Вот только ничего не получается.

Нервно сглатываю. Если я не справлюсь с этими пятнами – все будет плохо.

Белецкий не шевелится. Не отталкивает меня. Не пытается встать.

Ощущение, что он превратился в каменную статую.

Я медленно поднимаю голову.

Сталкиваюсь с его властным взглядом. Серые глаза пре-

вратились в два темных провала. И эти провалы замораживают меня, не давая двинуться с места.

Замираю, глядя на него.

А он поднимает руку. Костяшки его пальцев легко, почти невесомо ведут по моей щеке...

Я замираю. Мурашки покрывают мое тело. В голове начинается шуметь.

Поза слишком откровенная, если смотреть со стороны. Я, почти на коленях перед мужчиной, перед клиентом нашего ресторана.

Никогда бы не подумала, что такое случится со мной. Если кто-то узнает, если кто-то увидит...

Но рядом никого нет. Только два охранника, которые сопровождают Белецкого. Но они за дверями зала.

Мысли мечутся в голове: что же делать? Как я могла вылить на vip-клиента тарелку с супом? Меня же уволят! Без выходного пособия, без зарплаты. Надо сбежать!

Но я продолжаю сидеть на корточках, вцепившись мужчине в бедра, и нервно дышать. Затравленно смотрю на него.

Белецкий проводит пальцем по моей щеке, приближаясь к губам.

Мысли все вылетают из головы. Остается только туман.

Хорошо что зал пустой, а со стороны двери нас прикрывает высокая спинка дивана. Но надо что-то делать. В любой момент может повар или охранник войти!

Грубый палец скользит по моим губам. Очерчивает их.

Невольно приоткрываю рот и выдыхаю. Мужчина припод-

нимает бровь. Но его палец остается на месте.

Что он... делает?

– Как тебя зовут, ты сказала? – голос у Белецкого низкий и хриплый.

От грубых, интимных ноток у меня внутри все сжимается.

– Карина, – облизываю пересохшие губы.

Край языка задевает его палец. Глаза Белецкого становятся совсем черными. Кажется, будто в зале резко повысилась температура. Меня бросает в жар.

– Вставай, – кратко говорит он.

– Простите, – медленно поднимаюсь. – Ужин за мой счет.

Начинаю лихорадочно вспоминать все наставления, которым меня учили. В случае ошибки или другой внештатной ситуации, нужно что-то предложить клиенту. Но судя по взгляду Белецкого, его это вообще не волнует.

– Не стоит, – он пренебрежительно оглядывает меня.

Его взгляд задерживается на моей груди. Затем скользит ниже.

Так и хочется спрятаться от этого взгляда. Могу представить, что он думает в этот момент. Раздевает меня взглядом, будто уже купил. А я еще и в короткой юбке. Вот такая у нас форма летом. Это зимой можно носить брюки. А с марта по ноябрь – мини-юбка. Причем такая узкая, что особо в ней не покрутишься.

Я привыкла к похотливым взглядам клиентов. Невозможно запретить мужикам глазеть на красивую женскую попу.

А в этом заведении пятые точки официанток почти лицо ресторана. Но что поделать. Хочешь денег – работай, не хочешь – проваливай. Не думаю, что в других местах все иначе.

Но никто никогда не смотрел на меня так откровенно, как этот мужчина.

Обхватываю себя за плечи.

Белецкий тоже поднимается на ноги. Обходит вокруг, осматривая, как новенькую машину на выставке. Его парфюм окружает меня легким шлейфом. Нервно вдыхаю и понимаю, что мне нравится этот цитрусовый аромат.

Сердце неистово колотится в груди. Я стою, замерев посреди пустого зала. Не пытаюсь даже двинуться с места.

Часть супа осталась в тарелке, но основной объем – на столе. Второе блюдо Белецкий даже не тронул.

Я как в тумане приближаюсь к столу. Перед глазами продолжает маячить картинка, как стою на коленях перед клиентом. Его рука оглаживает меня по лицу, палец скользит к губам, очерчивает их...

Это все неправильно. Нужно забыть. Меня могут уволить, если узнают...

Отвлекаюсь, как могу, на уборку. Стираю и убираю остатки супа со стола.

А ведь клиент может больше не вернуться... И не заплатить...

Боже, о чем я думаю? Мне доверили vip-клиента, а я облила его супом! А теперь переживаю, что он уйдет, не запла-

тив?

Замираю с тряпкой в руках.

Нам нельзя его терять. Что же делать? Его странное поведение меня испугало. Но он не обозвал меня, не ударил. Всего лишь провел по губам...

Если он больше не вернется в ресторан – меня уволят. Я лишусь заработка. Да, можно найти другое место, но здесь отличная зарплата, чаевые, которые можно оставлять себе, и до дома всего пять остановок метро.

Нет-нет, мне ни в коем случае нельзя этого допустить!

Я должна пойти за ним. Должна извиниться, пообещать что угодно, лишь бы он не сердился.

Быстро вытираю стол, хватаю поднос с тарелками, тряпку и вылетаю из зала.

В холле никого нет. Ни охранников, ни Белецкого.

Видимо, все. Я опоздала. Он сюда не вернется.

Несу посуду с едой в сторону кухни. Вздрагиваю и замедляю шаг. Вижу высокую мужскую фигуру. Игорь стоит, облокотившись на стойку рядом с Ольгой. Они о чем-то переговариваются. И, судя по бледному лицу администратора, это явно что-то не хорошее для меня.

Руки трясутся. Так, надо поставить этот чертов поднос, пока снова не уронила. И извиниться!

Но Белецкий отходит от Ольги и направляется к выходу.

Не успела.

Понимаю, что уже все, я ничего не исправлю. Но все равно

бросаю поднос на стойку и несусь за ним.

– Карина! – тормозит меня Ольга. – Ты куда?

– Я, – смотрю то на нее, то на дверь. – Мне надо выйти!

Все тело колотит крупная дрожь.

Надо успеть...

Если Белецкий больше не вернется в ресторан – мне несдобровать.

– Мне надо выйти, – показываю на дверь.

Ольга хмурится.

– Что случилось? – спрашивает, с подозрением глядя на меня.

– Там... Просто Белецкий...

Не знаю как ей это сказать!

– Он заплатил за ужин. Все в порядке.

Замираю с открытым ртом.

Я не ослышалась, он заплатил?

Ох, ну хоть тут повезло! Не придется платить из своего кармана за недешевый супчик. Меня заполняют радость и легкость. Но к ним примешивается чувство стыда. Все-таки клиент ушел, не поев.

– А он ничего не говорил? – спрашиваю на всякий случай.

– Да как обычно. Сказал “спасибо”, – Ольга пожимает плечами. – Только он сегодня что-то быстро. У вас там все в порядке было?

– Ага, – я запускаю пальцы в волосы и начинаю массировать гудящую голову. – Все в порядке...

Если не считать того, что клиент засунул мне палец в рот. Но такое Ольге точно не стоит рассказывать.

– Вот и ладно. Смена закончилась, пора домой, – говорит

она.

Я киваю. Точно. Время уже позднее.

– Да, я пойду. До свидания.

– Давай, до завтра.

Ольга направляется в администраторскую, а я – в раздевалку для официантов. Там уже пусто, ведь я осталась последней. Быстро переодеваюсь и спешу на выход.

На выходе показываю сумку охране ресторана. Это обязательная процедура, хоть и не очень приятная.

– Что, Карина, когда выходной? – спрашивает Никита – охранник.

– Завтра.

– О, у меня тоже. Может, прогуляемся? – предлагает, смешно играя бровями.

Парень он неплохой, всего на пять лет старше меня. В нашем коллективе я самая младшая – только недавно исполнилось восемнадцать.

Как меня вообще взяли работать в этот ресторан – отдельное чудо. И имя этому чуду – Ольга Николаевна. Так получилось, что мы живем с ней на соседних этажах. Она по-соседски предложила помочь с работой, а я не стала отказываться.

– Извини, я завтра занята буду, – отвечаю Никите.

– А-а, ну ладно, – разочарованно тянет парень. – Давай тогда на следующем твоём выходном?

Он очень симпатичный и нравится мне, но я не могу.

– Посмотрим, – все-таки оставляю ему надежду.

Выхожу из задней двери ресторана. Меня все еще колотит от того, что случилось в зале. Надо же так опростоволоситься. Вылить обед клиенту на брюки. Какой кошмар!

Черт с этими чаевыми, хорошо, что Белецкий Ольге не пожаловался, а то бы я уже собирала вещи. И хорошо, что за испорченный обед заплатил. Для него эти деньги ничего не стоят, а у меня каждая копейка на счету.

Я спускаюсь по ступенькам крыльца и вдруг замираю.

Впереди, возле огромного внедорожника, стоят двое мужчин. Одного из них я узнаю сразу, потому что боюсь его больше, чем увольнения. Это Климшин – владелец ресторана собственной персоной. А второй – это Белецкий.

О чем они говорят? Неужели клиент жалуется на меня? Ох, только этого не хватало!

От этой мысли меня охватывает оцепенение.

Не могу сдвинуться с места. Но надо. Дрожащими руками перехватываю сумку поудобней. Втягиваю голову в плечи, надеясь, что так меня не заметят. И семеню мимо машины.

Но каждый шаг дается с таким трудом, будто к моим ногам привязали бетонные плиты.

– Добрый вечер, – бубню, опустив взгляд, когда оказываюсь рядом с Климшиным.

Начальство может не отвечать. Главное – самой поприветствовать. К тому же в ресторане все знают: Климшин не любит, когда с ним не здороваются. Может затаить обиду и лишить премии.

– Добрый вечер, – раздается в ответ.

Я выдыхаю. Все хорошо.

– Так что там за официантка-то была? – слышится следом.

От неожиданности я замираю на месте. Сердце уходит в пятки и там нервно стучит.

– Не бери в голову, – отмахивается Белецкий. – Мы все решили.

– Ну нет. Так дело не пойдет. Раз не хочешь говорить, то придется отвечать Ольге. Если мой администратор поставил в смену такого бестолкового официанта, то это повод ее уволить.

Горло перехватывает от нахлынувшей горечи.

Ольга как могла, помогала мне все это время. Не хочу, чтобы ее уволили из-за меня. К тому же Климшин давно придирается к ней. Я должна ее защитить.

И прежде чем что-либо обдумать и все взвесить, я врываюсь в разговор мужчин.

– Константин Дмитриевич, это сделала я, – выпаливаю одним духом. – Ольга ни в чем не виновата. Это я вылила суп.

Белецкий переводит на меня удивленный взгляд. Его глаза темнеют, а я будто прирастаю к асфальту. Все тело застыло. Слышу только, как быстро колотится сердце.

Встречаюсь с грозным взглядом Климшина. Кажется, что меня медленно поджаривают на костре. Еще бы. У нас все девочки считают, что попасть ему под горячую руку – себе дороже.

Но сейчас я готова на все, только чтобы он не трогал Ольгу.

– Ты... – начинает босс зловещим тоном.

– Кость, перестань, – осаждает Белецкий. – С кем не бывает. Думаю, что она больше такого не повторит. Ведь так, Карина?

Я киваю, не веря, что он меня защищает.

Климшин переводит взгляд на Белецкого.

– Это нельзя оставлять безнаказанным!

– Ну, вычти штраф из зарплаты. У меня претензий нет, а свои извинения она мне уже принесла. Лично.

Последнее слово звучит очень двусмысленно.

Белецкий делает шаг ко мне.

Близко. Безумно близко.

Жар разливается по телу. Даже щеки начинают пылать.

Будто сквозь туман чувствую, как мужская рука опускается на мою талию.

А Климшин спокойно смотрит, как меня зажимают у него на глазах! Ну правильно, клиент всегда прав. Интересно, если Белецкий сейчас разложит меня прямо здесь, на капоте, мой босс сделает вид, что ничего не заметил?

Эта мысль придает мне сил и злости.

Пытаюсь снять со своей талии чужую руку. Но та лишь крепче сжимается.

– Ладно, сами решайте этот вопрос, – Климшин отходит. Он что, бросает меня?

– Константин Дмитриевич! Я готова заплатить штраф! – рвусь за ним.

Но Белецкий с силой вдавливает меня в свое тело.

Ой, что-то мне все это не нравится.

– Не переживай, Кость, мы разберемся, – я вижу, как Белецкий подмигивает моему боссу.

Хочется провалиться под землю. От слов Белецкого на лице Климшина расплывается понимающая улыбка.

– Ладно, тогда увидимся, – он протягивает руку Белецкому.

Тот отвечает рукопожатием.

Ловлю на себе взгляд босса. В нем читается предупреждение: сделай все, чтобы клиент был доволен! Иначе одним штрафом не отделаешься.

Наконец, мы с Белецким остаемся одни. Мне становится не по себе. Позади внедорожника стоит еще одна иномарка, видимо, там охрана. Но вряд ли телохранители вмешаются, если их босс захочет мне что-то сделать.

– Благодарю, что защитили меня, – я разворачиваюсь к Белецкому.

Его рука скользит по моей талии. Изучает. Аромат парфюма окутывает меня.

– Не за что, – говорит он.

И смотрит так, что у меня ноги начинают подрагивать.

– Садись, – он подходит к автомобилю и открывает дверь.

Его водитель возвращается на водительское сидение.

– Туда? – недоуменно хлопаю ресницами.

– Да, – кивает Белецкий.

– Зачем?

– Вернешь долг за ужин. Я же так и остался голодным...

из-за тебя.

В тот момент я понимаю: он не просто так оказался у входа для персонала. Он ждал там меня!

В голове бьется мысль, что надо бежать. Но я не могу оторвать взгляд от Белецкого. Он словно гипнотизирует меня. Разум приказывает бежать, но ноги не идут. Где-то внутри сидит страх, что если сейчас сбегу, то меня уволят.

А мне никак нельзя потерять эту работу!

Но с другой стороны, чего я боюсь? Белецкий – известная личность. Вряд ли он опустится до насилия. Да и зачем это ему? К его услугам все модели столицы!

– Ну? – наклонив голову набок, он с усмешкой смотрит на меня. – Сама сядешь или помочь?

В его тоне чувствуется что-то темное, опасное и возбуждающее.

– Сама, – отвожу взгляд.

Сажусь первой и тут жедвигаюсь на соседнее сидение, подальше от дверцы. Рядом садится Игорь.

Аромат его парфюма вновь окутывает меня. Я немного ежусь. Руки невольно кладу на колени. А Игорь смотрит. И смотрит так, что я всей кожей ощущаю, как его взгляд скользит по мне. Может, что-то во мне не так?

Дверца хлопает. Водитель заводит мотор. По телу проносятся дрожь.

Машина трогается. Я бросаю нервный взгляд на ресторан.

Ощущение, что меня навсегда увозят.

– Куда ехать? – спрашивает водитель.

Молчу. Явно не меня же спрашивают. Или меня? Я должна назвать свой адрес? Что же делать в такой момент?

Как назло, все связные мысли решают сбежать из моей головы прямо сейчас.

Понятия не имею, что говорить. Мы едем домой. К нему? Ко мне?

Ко мне нельзя. Там отчим и мать, и сестры. Да и вообще я свой адрес не называла.

– Давай на Грушевского, – дает распоряжение Белецкий.

Водитель кивает и выруливает на проезжую часть. Мои руки начинают подрагивать.

Смотрю на огни в домах, мимо которых мы проносимся. Нервничаю безумно.

Домой. Я еду к нему домой.

Благо из центра в мой район есть прямая ветка метро.

Белецкий накрывает мою руку своей. Будто в плен захватывает.

Поворачиваю голову в его сторону, как заторможенная. И вновь ловлю темный взгляд, который смотрит мне прямо в душу.

Нервно сглатываю, глядя в его глаза. Меня словно заманивают в капкан.

Свободной рукой судорожно тянусь в карман за телефоном. Хоть смску кинуть сестре, что меня увозят. Пусть пре-

дупредит мать, что я буду поздно.

Хотя... будто моей матери не все равно.

– Все в порядке, – не спрашивает, просто говорит Белецкий.

Я как в полусне киваю. Пытаюсь убрать руку, и мужчина отпускает меня. Его губы изгибаются в улыбке.

Мое сердце стучит сильнее.

Машина останавливается во дворе элитных многоэтажек. Прикидываю, насколько это далеко это от ближайшей станции метро.

Платный паркинг забит автомобилями дорогих марок. Интересно, тут люди вообще пользуются общественным транспортом? Что-то я уже сомневаюсь.

Первым из машины выходит Белецкий. Я продолжаю сидеть. Вдруг меня сейчас водитель домой отвезет?

Но нет. Водитель тоже выходит из машины.

Я выдыхаю. Рукой все же нащупываю телефон. Времени еще хватает. Успею на метро.

Вот только дверца с моей стороны открывается. Прохладный воздух окутывает меня.

Вижу мужскую руку перед собой. Да, меня никто никуда не отпустит. Я в ловушке. Белецкий привез меня к себе домой.

Принимаю руку и выхожу наружу. Как в тумане иду за мужчиной. Хоть бы слово сказала.

– Хорошая погодка, – голос дрожит.

И тут же прикусываю язык.

Надо бы сказать, что мне пора домой. Выдумать что-то. Мне страшно. Я не знаю, чего ожидать от этого мужчины. Но вряд ли он сделает со мной что-то непоправимое. Не убьет ведь за пролитый суп?

– Чудесная, – отвечает Белецкий.

Мы проходим мимо консьержа. Дверь в дом открыл Игорь магнитным ключом.

Лифт. Последний этаж. У него пентхаус. Голова кружится от стоимости подобной квартиры.

Только входим в квартиру, куда Белецкий пропускает меня первой, как он тут же берет меня за руку. Притягивает меня к себе.

Без слов, его губы опускаются на мои. И вопреки всей логике – я отвечаю на поцелуй. Это не идет ни в какое сравнение с теми поцелуями, которые у меня были раньше. Губы Белецкого сминают мои. Жестко и властно. Он прижимает меня к стене и наваливается всем телом. Чувствую его возбуждение, упирающееся мне в живот.

Куртка слетает на пол. Обе наши куртки. Его руки скользят по моему телу. Жадно мнут грудь. Спускаются ниже, задирают свитер. Пальцы проводит по чувствительной коже, вынуждая меня втянуть живот. А потом ныряют за пояс джинсов.

Я судорожно выдыхаю.

Страх заставляет оцепенеть.

Белецкий ничего не замечает, продолжая меня целовать. Его пальцы воюют с застёжкой моего ремня.

Сама не понимаю, почему не останавливаю его, почему не отталкиваю.

– А ты горячая, – шепчет Белецкий, на секунду отвлекаясь от моих губ.

Я могу только кивнуть.

– Мне понравилось, как ты передо мной на коленях стояла, – слышу хриплый шепот. – Давай повторим в моей спальне. Только ты будешь голой...

Щеки заливаются краской.

Понимаю, как это выглядело и к чему это может привести. Попала я по полной. По мужчине видно, что так просто меня отсюда не выпустят. Как я вообще такое допустила – сама не знаю.

Горячее дыхание скользит по коже возле моего уха. Белецкий как змей-искуситель целует меня, проводит языком.

Меня трясет от эмоций. От страха и возбуждения.

Может, уже и пора, но я не хочу. Не могу. Не вот так, с первым встречным, пусть он и нравится мне.

– Хватит, – пытаюсь остановить мужчину.

Упираюсь ладонями ему в плечи.

И Белецкий останавливается. Лишь сжимает меня в своих объятьях.

– И почему же я должен остановиться?

– Не знаю. Но я не могу, простите. Давайте я как-то по-

другому отработаю ваш ужин. Хотите, приготовлю что-то? – предлагаю с мольбой.

Мы оба тяжело дышим. Мои губы болят от поцелуев.

Смотрю в темные глаза мужчины. Уж явно не такой ответ он хотел услышать.

Сердце неистово бьется в груди.

– Что вы любите? – спрашиваю хриплым голосом.

А сама покрываюсь мурашками от одного его взгляда. Так и хочется, чтобы он продолжил меня целовать.

– Люблю, когда женщина снизу, – хрипло выдыхает он.

Смущенно отвожу взгляд.

– Боюсь, ничем не могу помочь, – говорю тихо.

А сама понимаю, что такому как Белецкий не отказывают.

Его рука ложится на мою щеку.

Игорь проводит большим пальцем по моим губам, слегка приоткрывая их.

Я отодвигаюсь.

Надо сбежать от него, пока еще можно.

В глазах мужчины появляется лед.

– Ладно, не так я хотел провести этот вечер, – даже голос меняется. Становится ровным, холодным: – Свободна.

Я вздрагиваю, а он отпускает меня:

– Дверь за собой захлопни.

Затем разворачивается спиной и просто проходит мимо.

Я в полной прострации хлопаю ресницами, глядя на массивную фигуру, направляющуюся вглубь квартиры. Все еще стою, не решаясь сдвинуться с места.

Он отпускает меня?

Вот так просто? Может, я его неправильно поняла...

Мою неуверенность можно списать на общую усталость после тяжелой смены.

В глубине квартиры хлопает дверь.

Значит, это не шутка. Он меня отпустил.

Решившись, разворачиваюсь к выходу. Это самое лучшее, что я могу сейчас сделать.

Как же стыдно, что Климшин видел, как я садилась в машину. Наверняка уволит. И куда мне идти? Без образования никто не возьмет. На рынок еще можно пойти торговать, но там не те деньги, что были в ресторане.

Машинально сажусь на банкетку рядом с дверью. Плечи опускаются под грузом невеселых мыслей. Вздохнув, зажимаю ладони между колен и просто сижу, устремив невидящий взгляд в рисунок напольного покрытия.

Меня накрывает тоска.

Что я буду делать без работы? Даже думать об этом страшно...

– Еще не ушла? – раздается хриплый голос Белецкого.

Поворачиваю голову в его сторону. В горле застревает комок. А все дело в том, что мужчина стоит передо мной без футболки. Босой. В одних джинсах, перехваченных широким ремнем.

Он так тихо подошел, что я даже шагов не услышала. Или слишком задумалась.

Смотрю на его мускулистое тело. Кубики пресса будто высечены из камня. Вот это рельеф. Я даже рот невольно открыла.

Он усмехается:

– Нравлюсь?

– Извините, – нервно сглатываю и поднимаю взгляд выше.

А то как-то неудобно вот так пялиться на хозяина квартиры. Но он в ответ тоже смотрит на меня. Пристально, нагло. Бесцеремонно. Будто оценивает.

Надо переключиться. Поэтому быстро встаю. Все. Я готова. Ой, куртка...

Подхватываю ее с пола и комкаю в руках. Потом надену, когда выйду.

– Все. Я пошла, – делаю шаг к дверям.

Игорь подходит еще ближе. Его запах окутывает меня. По телу пробегают мурашки.

Зачем он это делает? Неужели не понимает, как действует на меня?

Дыхание сбивается.

Он передумал и хочет, чтобы я осталась? Нет-нет, мне пора домой.

Раз все так сложилось, то и ладно. Еще успею на метро. Наверное. Не знаю.

Вот теперь меня начинает захлестывать паника.

Я кидаюсь к двери.

– До свидания, – бурчу под нос, не оглядываясь, и вылетаю из квартиры.

– Стой! – слышу в спину, но не реагирую.

Он меня отпустил? Отпустил. Вот и все. С чего мне оставаться?

Сердце бьется где-то в ушах. Дверь с грохотом закрывается у меня за спиной.

Жму на кнопку лифта. Благо тот стоит на этаже, так что створки открываются очень быстро.

Влетаю туда и жму на первый этаж. Сквозь закрывающиеся двери вижу Белецкого, замершего у входа в квартиру.

Мои щеки горят. Кажется, что я сейчас что-то упускаю. Я же могла остаться с ним. Нет, это точно нет. Нельзя с ним оставаться. Это опасно. Для меня. Для моего сердца. Вот все было хорошо, пока я его просто любовалась им издалека в ресторане. А сейчас мое тело так и горит от его прикосновений. Будто его руки все еще сжимают меня. Будто он все еще жадно вдавликает меня в стену...

Вылетаю из его дома и направляюсь к выходу с придомовой территории. Благо она тут небольшая. Вот это меня, ко-

нечно, заносит.

В ушах лихорадочно стучит. Я сбежала от Белецкого. Обалдеть. Мне точно никто бы не поверил, если б я о таком рассказала. Да и кому рассказывать? Разве что девчонкам в ресторане. Но и то я бы не стала. Это же неприлично. Хотя у нас до сих пор работает Кристина, которая умудрилась залезть в койку к Климшину. Но у босса есть правило: те, кто с ним спал – сразу на увольнение.

Вот только Кристину не уволил. И то не пойми почему. Но мне кажется, там проблема в нашем администраторе Ольге.

Ох, ладно. Не о том думаю.

Несусь по улицам, спеша домой. Даже не стала искать метро. К тому же час ночи, метро не ходит.

Да тут и недалеко. По картам час ходьбы. Хоть и страшно, что уже так поздно. Да ничего. Я частенько после работы домой пешком хожу, экономлю.

Элитный район заканчивается. Его сменяет частный квартал со старыми домиками. Затем идет мост, а за ним – обычный жилой массив. Знакомые "хрущевки", где некогда пацанчики на районе стояли у подъездов и спрашивали у запоздалых прохожих, не будет ли прикурить. Утром их сменяли бабушки, клеймя каждого, как бог на душу положит.

Но главное, что сейчас никого нет. Я влетаю в свой подъезд и поднимаюсь на второй этаж.

Замираю у старой двери, обитой потертым дерматином. Так, ключи.

Начинаю рыскать по карманам.

Уже немного успокаиваюсь. Хотя на несколько секунд перестая анализировать произошедшее. Нахожу ключ и вхожу внутрь.

В квартире темно. Щелкаю выключателем. Свет озаряет коридор. Старенький, немного обшарпанный, с выцветшими обоями. После квартиры Белецкого знакомая с детства убогость режет глаза.

Снимаю сперва обувь, а затем и куртку.

Раздается детский плач.

Ох, Сонечку разбудила – самую младшую сестру.

Слышится шуршание.

Мать выходит в коридор с младшей сестрой на руках.

– Ты чего так поздно? И что, не можешь потише? Не видишь, что разбудила малую, – говорит она гневно.

М-да, ожидать, что меня спросят о том, как мой день прошел или где задержалась – было бы глупо.

С мамой лучше не спорить.

– Прости, я нечаянно. Не хотела разбудить.

– Вот-вот. А мне теперь ее укладывать! Руслану завтра рано вставать.

– Я к себе, – показываю на свою комнату.

Ну как свою. Я делю ее со своей младшей сестрой. У нас тут прямо женское общежитие. Одни девочки и отчим Руслан.

– Иди уже, только тише. Утром душ примешь, – цокает мать и уходит в свою спальню вместе с дочкой, причитая, чтобы та успокоилась.

Я выдыхаю. Вхожу в комнату. Стараюсь двигаться потише, чтобы не разбудить сестру.

– Карина? – внезапно раздается детский голос.

– Чего не спишь? – отвечаю шепотом.

Нине всего семь лет.

– Тебя жду, – говорит она.

– Тише, а то мама ругается, – шарю рукой по стене в поисках выключателя.

– А ты сегодня поздно, – продолжает Нина. – Почему?

Я щелкаю выключателем. Свет озаряет комнату.

Сестра сидит на кровати и с любопытством смотрит на

меня. Хотя один человек в этом доме рад меня видеть.

Правда, я надеялась, что Нина будет спать, когда приду домой. Все же она ребенок, и в десять уже должна быть в кровати. А я сегодня пришла на два часа позже обычного. Но у нас с Ниной есть свой ритуал – поболтать перед сном. Такие задержки, как сегодня, у меня бывают нечасто.

– Было много работы, – говорю ей. – Все, давай спать. Завтра в школу.

– А ты меня отведешь? – с готовностью отзывается Нина.

– Посмотрим...

Я раздеваюсь и тянусь в карман брюк. Кровь отливает от щек. В кармане нет телефона. Первая мысль, что я забыла его на работе. Вторая – что это могло случиться в квартире Белецкого.

Мы же так там рьяно целовались, что он мог и выпасть, а я не заметила!

Внутри все холодеет.

Что же делать? Бежать обратно в ночь – не вариант. Я не особо запомнила, где именно Белецкий живет. Да и консьерж меня вряд ли пропустит. Что я ему скажу?

А если на работе...

Так, стоп. Точно не на работе. Я выходила из ресторана и доставала его.

Я хорошо это помню.

Сажусь на свою кровать. Запускаю пальцы в волосы и сжимаю виски.

В голове полная каша.

– Карина, ты устала? – тихо шепчет Нина.

– Да, – машинально отвечаю ей, с ужасом осознавая, что мне придется искать телефон.

Точнее опять встречаться с Белецким. Мозг уже строит планы, как это сделать. Может, позвонить на свой телефон?

– Нина, а где твой телефон? – спрашиваю сестру.

– Вон лежит. Ой, а я тебе зайчиков показывала? – она подсакивает на кровати.

– Нет, погоди. Мне надо позвонить. Я свой потеряла.

– А где?

– Сейчас выясню. Надеюсь...

Беру с тумбочки ее телефон.

Раньше он был моим, но когда я начала подрабатывать, то купила себе другой. Простенькую модель, но она для меня бесценна. Вещи становятся любимыми, когда достаются тяжким трудом.

Если он у Белецкого, то...

Будто назло вспоминаю наш поцелуй. Как он прижимал меня к стенке. Как трогал за грудь...

Губы сразу начинают гореть.

Замираю и прикладываю ладонь ко рту.

А в голову лезут мысли о том, как он гладил меня... вни-зу...

Если бы я не остановила его, то мы продолжили бы прямо там, в коридоре.

Так, хватит.

Нахожу в "исходящих" свое имя и набираю. Мысленно молюсь, чтобы мой телефон был включен. Пусть он будет у Белецкого. Это лучше, чем вообще его потерять.

Пожалуйста, пожалуйста!

И на мою удачу – раздаются длинные гудки. Прижимаю трубку к уху.

– Алло, – слышится низкий мужской голос.

По телу пробегает волна жара.

– Игорь? – выдыхаю имя Белецкого.

– Да, Нина? Или Карина? – спрашивает он.

– Карина. Нина моя сестра. Я у вас телефон забыла. Можно я завтра заберу его? Просто сегодня уже поздно, – тараторю и прикусываю язык, а затем добавляю: – Простите, я не специально.

В ответ слышится смешок.

– Хорошо. Мой человек отдаст тебе телефон.

– Ага, – не могу скрыть разочарования в голосе.

Я ведь в тайне надеялась, что смогу с ним встретиться. Увидеть его, узнать, вернется ли он в наш ресторан после того, что я сделала.

– Может, сами отдадите? – спрашиваю осторожно. – Ну, когда будете у нас. Я как раз завтра на смене...

Мой голос звучит очень жалко. Ну и пусть. Лишь бы Белецкий согласился. Потому что если перестанет ходить в наш ресторан, то всех собак спустят на меня. И даже Ольга то-

гда не поможет. Климшин меня собственными руками придушит за потерю такого клиента!

Тем более Ольги завтра не будет. Это смена другого администратора. А он точно не станет меня защищать.

Вот только в трубке тишина.

Сердце болезненно екает.

Неужели не хочет?

Откладываю смартфон.

Экран погас. Пару раз нажимаю на кнопку включения и понимаю, что он разрядился.

Нина часто забывает его зарядить. А у него слабая батарея.

Начинаю искать зарядку. Сестра уже отвернулась к стене. Она когда засыпает, то хоть из пушек стреляй – не разбудишь.

Дверь за моей спиной открывается. Я понимаю это по скрипу и замираю.

Мама опять будет ругаться, что я шумлю.

– Ты чего не спишь? – слышится мужской голос.

Оборачиваюсь. В дверях стоит отчим – невысокий лысый мужчина. Из одежды на нем только широкие семейные трусы в горошек, из-под которых торчат тонкие кривые ноги, покрытые курчавой растительностью. Он потирает пивной живот, нависающий над трусами, и обводит меня сальным взглядом.

Я уже успела переодеться в шорты, в которых сплю, и тон-

кую майку. Чувствую себя голой под этим взглядом.

Взгляд отчима упирается в мою грудь.

Я скрещиваю руки, стараясь ее прикрыть.

– Уже ложусь, – пячусь к кровати.

– Давай быстрее, а то шумишь, – Руслан широко зевает.

Сам же глаз с меня не сводит. Цокает языком.

От него эту привычку взяла и мать. Только в ее исполнении это нормально воспринимается, а вот от Руслана – немного подбешивает.

Он же мамин муж и отец моей сестры. Как ему не стыдно вот так пялиться на меня?

– Извините, спокойной ночи.

Я быстро ныряю в кровать и до самого подбородка натягиваю одеяло.

– И чтоб больше ни звука!

Руслан уходит, не забыв почесать тощую задницу.

Меня всегда напрягает, когда он входит к нам в комнату. Все же для меня и Нины он чужой дядя. Так и не стал нам отцом.

– Карина, а ты сегодня работаешь? – спрашивает с утра Нина.

Мы только проснулись. Я пытаюсь проморгаться. Иногда тяжело с утра вставать. Хотя после вчерашнего вечера, это еще тяжелее.

– Да, я сегодня в среднюю смену, – поясняю сестре. – Буду поздно.

– Жалко, – тяжело выдыхает Нина. – Я думала, ты меня заберешь из школы, мы зайдем в магазин и купим сладостей.

– Я тебе и так их могу купить.

– Нет, ты не понимаешь, – снова вздыхает сестра. – Я хочу пойти с тобой вместе. Ты всегда на работе, мне одной скучно.

– Хорошо, ходим на выходных. Я же тебе курточку обещала купить, – сдаюсь перед умоляющим детским взглядом.

А у самой сердце сжимается. Я же вчера должна была получить хорошие чаевые. А вместо этого едва не вылетела с работы и потеряла телефон. Благо он хоть у Белецкого.

Жар приливает к щекам.

Я же вчера попросила его принести телефон в ресторан. Но ответа так и не дождалась. Может и он не услышал меня?

Остается только надеяться, что он придет, как обычно, и я смогу с ним поговорить.

Ох, только меня после вчерашнего не подпустят к его столу. Да и Виталик уже будет на месте.

– Ура, – Нина кидается мне на шею.

Дверь в комнату резко открывается. На пороге появляется мать с младшей сестрой на руках.

– Чего орете с утра пораньше?

Сонечка тянет к нам ручки.

– Доброе утро, мама! – Нина радостно бросается им навстречу.

Она всегда рада всех видеть.

Вот только мать строит такую недовольную мину, глядя на нас, будто мы для нее обуза.

– Не ори, – говорит, одергивая Нину. – Собирайся в школу.

– А меня Карина сегодня отведет, – отвечает сестренка и берет меня за руку.

Я сжимаю детскую ладошку.

Конечно, я ее отведу. Я всегда отвожу ее в школу.

Мать закатывает глаза и что-то бурчит себе под нос. Нина отпускает меня и бежит к маме, чтобы обнять. Она у нас очень тактильная. Ей всегда надо кого-то поцеловать или обнять. Очень ласковая девочка.

И тут на мое удивление мама опускает руку на голову Нины и поглаживает ее, хотя едва удерживает младшую. Но это как раз понятно. Соня привыкла всегда быть на руках. Стоит ее отпустить – начинается плач. Даже удивляюсь, как Руслан

все это выдерживает. Но думаю, что он просто сильно любит мою маму и свою дочь. Другого объяснения не могу найти.

– Руслан скоро уйдет, – говорит мама. – Можете пойти позавтракать. Главное – не путайтесь у него под ногами и не мешайте.

Я киваю.

Так уж повелось, что когда Руслан появился в нашем доме – все начало крутиться вокруг него. Руслан всегда сидит во главе стола и ест самым первым. Даже если мы опаздываем куда-то. Благо у меня работа аж в десять начинается, и отчима в это время уже нет дома. Но в любом случае, все делается для того, чтобы только ему хорошо было. Если надо идти в душ, так Руслан идет первым. Или если ты уже там, то надо быстро заканчивать все свои дела, чтобы дать ему возможность помыться.

Подобное отношение бесит, конечно, но мы привыкли. Надеюсь, в будущем у меня появится возможность забрать Нину и съехать из дома. Ради этого я и работаю. Хочу еще поднакопить денег и пойти учиться на веб-дизайнера. Обучение стоит не дешево. Зато у меня есть цель, и я к ней иду.

Мать покидает нашу комнату. Ей по сути все равно, где я шатаюсь целыми днями. Из дома не выгоняет – уже хорошо. Хотя порой мне не хватает ее ласки и объятий. Раньше, до того как в нашей жизни появились Руслан и Сонечка, мама даже спала на одной кровати со мной и Ниной. Мы ложились с двух сторон и всю ночь держали ее за руки.

Ну да ладно. Я уже взрослая. Могу пережить. Лишь бы Нина не страдала без мамы.

– Пошли завтракать, – зевая, зову сестру.

Нина быстро переодевается.

Судя по времени, Руслану уже скоро уходить. Но когда мы появляемся на кухне, он все еще сидит за столом. Смотрит, как я разбиваю яйца для омлета.

– Русик, я уже погладила твои вещи, – зовет мать из своей комнаты.

– Иду, – Руслан поднимается и проходит мимо меня, отдавая парфюмом.

Не знаю, что это за фирма, но пахнет безумно ужасно. Мне каждый раз чихать хочется из-за этого запаха. И выбросить куда подальше его духи.

– Сегодня холодно. Не забудь шапку надеть, – продолжает мать уже в коридоре.

Я морщусь. Да, вчера была прекрасная погода, но что поделать. Сегодня действительно похолодало, хотя на дворе уже март. По календарю зима уже закончилась, но на деле она все еще не хочет сдавать позиции. Два дня тепла, а затем – снег и холод.

Ну, может и хорошо, что еще холодно. У меня есть время купить Нине весеннюю куртку. Прошлогодняя на нее уже маленькая, а в зимнем пуховике скоро станет очень жарко.

Я знаю, что мама не раскошелится на Нину. Не потому что жадная. А потому что не хочет просить у Руслана деньги на

нас. Она однажды так и сказала: у вас есть отец. Если родной отец не хочет заботиться о своих детях, то как это можно требовать от чужого мужчины?

Горько осознавать, но в чем-то она права. Отец бросил нас, ушел, оставил практически в нищете. Нина тогда постоянно болела, мама не могла работать, потому что таскалась с ней по больницам. Больше года мы не жили, а выживали. Я забыла вкус колбасы. А папа... папа просто уехал. Сменил город, область, может даже страну. И номер телефона. Оборвал все концы. Помню, как он сказал перед тем, как покинуть наш дом:

– Вырастешь – поймешь.

Но вряд ли я когда-нибудь смогу такое понять.

После его ухода мама превратилась в серую тень. Я слышала, как она плачет по ночам, когда думает, что я сплю. Мое сердце разрывалось от боли. Мне хотелось утешить ее, но я кусала губы и молчала. Потому что моя жалость только разозлила бы ее.

Мама всегда скрывала эмоции. Даже когда отец уходил, ни один мускул не дрогнул у нее на лице. Хотя я уверена, папа до последнего ждал, что она попросит его остаться.

Не попросила.

Гордость обиженной женщины оказалась сильнее нее.

А потом в нашей жизни появился Руслан. И маму словно подменили. Она расцвела.

Не знаю, что я почувствовала, когда узнала, что Руслан

будет жить с нами. Но в моих чувствах была и доля облегчения. Мама прописала его, он взял на себя все коммунальные платежи. И продукты в холодильнике тоже с его зарплаты. Даже сейчас, когда я работаю. Он сам сказал, что мне не нужно тратить на еду, а я не стала настаивать.

В ответ мама обхаживает его так, будто он арабский шейх в гареме. Иногда мне становится неприятно от того, как она сюсюкает с ним. Но с другой стороны теперь у нас есть еда и нет долгов за квартиру. А я могу сама купить Нине новую куртку и даже ботинки.

Пусть наш отец оказался сволочью, но у Нины есть я.

После завтрака отвожу сестру в школу. На улице словно снова февраль. Ветер бросает в лицо горсти колючего снега.

– Домой дойдешь? – спрашиваю Нину, поправляя ей шарф. – Я не смогу тебя забрать.

– Хорошо, я сама.

Обнимаю ее и смотрю, как она исчезает в недрах учебного корпуса.

Мне тоже пора. Не хочу возвращаться домой, лучше пройду пешком. И время убью, и позаглядываю в витрины. Последнее время это стало для меня особым развлечением. Я смотрю на роскошные вещи в витринах дорогих бутиков и представляю, что однажды все это будет моим. Вон тот розовый плащ, это черное платье, те сапожки на шпильках...

У одной витрины я замираю дольше, чем следует. Там на круглой подставке крутятся часы. На вид массивные и доро-

гие. Они похожи на те, которые носит Белецкий.

Я почти прижимаюсь носом к стеклу, чтобы разглядеть их получше.

– Эй, – звучит резкий окрик, – не пачкай витрину!

На крыльце бутика стоит тетка с метлой.

– Нечего тут бродить! – бурчит с недовольством. – Все равно ничего покупать не будешь.

– А может и куплю, – смотрю на нее исподлобья.

– Ну-ну, и что же ты купишь? – она упирает руки в бока. – Тут самые дешевые часы – пять тысяч долларов!

Названная сумма заставляет меня отпрянуть от витрины. Засунув руки в карманы, я ухожу быстрым шагом. Но в душе растет злость: однажды я заработаю денег, вернусь сюда и куплю самые дорогие часы! Вот, теперь у меня есть еще одна цель!

Чем ближе подхожу к ресторану, тем сильнее угасает мой пыл. Вместо него чувствую приближение головной боли, которую мне устроит администратор за вчерашнюю выходку. Но к моему облегчению мне никто ничего не говорит.

И все же до самого вечера я сама не своя. Тревога не отпускает, будто вот-вот случится что-то плохое. Но что именно – не понять.

Зато сердце ускоряет свой ход, когда вижу Игоря. Он сегодня одет в черный брючный костюм. Как с иголки.

Белецкий направляется на свое место, а Виталик уже следует за ним.

Я невзначай иду им навстречу. На самом деле у меня там столиков нет, но надо как-то перехватить Белецкого.

Вот только он молча проходит в випку, кинув на меня мимолетный взгляд. Будто вчера ничего не было. Никаких поцелуев.

– Эй, ты что тут делаешь? – спрашивает Виталик, получив заказ от клиента.

– Мне надо кое-что сказать Белецкому, – отвечаю ему.

– Вчера не наговорила? – ухмыляется парень.

– Это не то, что ты думаешь! – складываю ладони в умоляющем жесте. – Обещаю, я быстро!

– Ладно, иди. Я пока заказ отдам поварам.

Быстро чмокаю парня в щеку и скольжу внутрь випки. Сталкиваюсь со взглядом Белецкого и понимаю, что он сегодня не в настроении. Смотрит на меня так, будто я его обокрала...

Надеюсь, он так зол не из-за того, что случилось вчера.

– Здравствуйте, – выдавливаю из себя улыбку.

Белецкий неторопливо осматривает меня с ног до головы.

– Я за телефоном, – говорю ему.

– Я понял, – он достает мой смартфон из своего кармана.

– У вас все хорошо? – срывается с губ прежде, чем успеваю прикусить язык.

Меня вновь одаривают пристальным взглядом.

– Прекрасно, – жестким голосом отвечает Игорь. – Если не считать того, что тебе наяривали на телефон несколько раз подряд.

– Ой, простите.

Я быстро листаю входящие. Это всего лишь Нина. Но обычно она не звонит так часто.

– Вы брали трубку? – спрашиваю, поднимая взгляд на Белецкого.

Тот качает головой. И все же смотрит на меня так пронзительно, мрачно, будто хочет прикопать под столом.

Я на всякий случай отступаю ближе к выходу. Белецкий криво усмехается:

– Даже "спасибо" не скажешь?

Мне становится стыдно. За телефон ведь и правда стоит

поблагодарить. Он мог его не возвращать, просто выбросить.

Преодолевая дрожь внутри тела, подхожу к мужчине.

– Большое спасибо, что вернули телефон...

Не понимаю, что на меня находит. Чувствую лишь одно: больше мы с ним не столкнемся. Это наша последняя встреча. Он ведь мог передать мой телефон через своего охранника или через Виталика, но он сделал это лично. А это многого стоит.

Поэтому я приближаюсь к нему. Вдыхаю аромат его парфюма и просто обнимаю. Белецкий под моими руками замирает.

Я отпускаю его и хочу отойти. Вот только мужские руки смыкаются на моей талии.

Жар проносится по телу. Опять эта реакция на него. И главное, что позволяю трогать себя. Особенно после вчерашнего.

– А вдруг кто-то войдет? – спрашиваю, а сама понимаю, что мне все равно.

Запускаю пальцы в волосы Белецкого. Машинально глажу их. Какие они шелковистые. И ситуация пикантная.

Он прижимает меня еще крепче.

– Тогда зачем обняла? – напряженно спрашивает Белецкий.

Я нервно сглатываю. Вспоминаю слова Нины.

– Потому что даже взрослым иногда нужны обнимашки. Это просто способ подарить немного тепла, – поясняю, глядя

в глаза мужчины.

Руки Игоря скользят вдоль спины к моей заднице. Очерчивают талию, затем сжимают ягодицы. Я тихо ойкаю, пытаюсь отстраниться, и он тут же встает. Накрывает меня своей тенью. Каждой клеточкой чувствую, какой он высокий и мощный.

Склоняется к моему лицу. Взгляд жесткий, цепкий.

– Ты играешь со мной? Или как?

– Нет...

Мое сердце ускоряет биение. Мысли вылетают из головы.

– Если уж обнимаешь, то иди до конца. Или думаешь, что я поведусь на это? – спрашивает он.

– На что? – переспрашиваю с испугом.

– То суп выливаешь, то обнимаешь. Что дальше? Под колеса моей тачки начнешь кидаться?

Я хлопаю ресницами. На глаза наворачиваются слезы. Значит, вот как он обо мне думает? Что я все это специально делаю, чтобы привлечь его внимание?

– Вы все неправильно поняли, – выдавливаю из себя. – Если б я хотела привлечь ваше внимание, то вчера позволила бы зайти дальше.

Миг – и глаза Белецкого темнеют. Он вновь осматривает меня с ног до головы. Медленно и тягуче. Будто раздевает.

– Цену набиваешь? – спрашивает с усмешкой.

А я молчу. Мне совсем не нравится его вывод.

– Нет, – отвечаю, упорно глядя в сторону.

А сама с обидой кусаю губы. Даже слов не могу найти, чтобы высказать свои мысли.

– Все. Хватит, – Белецкий резко отстраняется от меня. – Если не хочешь проблем – не играй со взрослыми дядями. В следующий раз я не буду таким добрым.

Хочу спросить, что он имеет в виду, но тут в випку заходит Виталик. Едва успеваю отпрянуть от Игоря. Белецкий садится как ни в чем не бывало. А я, покраснев до ушей, выскакиваю оттуда.

– Еще раз извините!

Виталик провожает меня удивленным взглядом.

Неужели что-то заметил?

Лицо пылает. Хочется провалиться сквозь землю.

Ноги несут меня куда подальше.

Что я только что делала? Зачем полезла к нему обниматься? Тело все еще чувствует его властные прикосновения. Кончики пальцев зудят, словно я все еще перебираю волосы Игоря.

Сама от себя такого не ожидала. Взяла и обняла клиента. Так нельзя! Вообще никогда и ни за что. Но уже не вернешь сделанного. Я обнималась Белецким!

Чуть не сталкиваюсь с другой официанткой. Она фыркает мне вслед.

А я несусь дальше. Радует, что еще могу сдержать слезы. Стыдно за свою слабость и в то же время безумно обидно, что Игорь так обо мне подумал.

До конца смены еще целый час. Заставляю себя вернуться к работе. Обслуживаю клиентов как робот, с приклеенной на губах улыбкой.

Иначе нельзя. Клиент не должен знать, если у тебя что-то болит, кто-то умер или просто нет настроения. Он пришел получить услугу – и мы должны обслужить. Все личное – в нерабочее время. Так требует корпоративная этика.

Наконец, иду в раздевалку. Первым делом хватаюсь за телефон. В зале везде камеры, официантам нельзя стоять с телефоном. А в подсобку я уйти не могла, некого было оставить вместо себя. Пришлось ждать конца смены.

Набираю Нину. Странно, что она днем звонила. Сестра знает, что я не могу отвечать за звонки в рабочее время.

Идут длинные гудки, заставляя меня нервничать.

Наконец, она берет трубку.

– Привет, зайка, что-то случилось? – спрашиваю с замиранием сердца.

– Я... – начинает сестра.

Ее голос кажется напуганным. Я тоже напрягаюсь. Что там творится дома?

– Я ключи дома забыла, вот и звонила тебе, – признается Нина.

– Поняла. Ну, ты уже дома? Все хорошо?

– Д-да...

Голос сестры звучит неуверенно.

Хочу спросить, что не так, но передо мной вырастает Ни-

кита.

– О, Карина, – он загораживает выход. – У тебя ведь завтра выходной? Пошли со мной погуляем. Я знаю один четкий бар тут недалеко.

– Кит, – лихорадочно подбираю причины отказа, – прости, не могу. Мне надо завтра с сестрой заниматься. В школу ее отвести и уроки сделать.

На лице парня отражается досада.

– Так это вечером. Каринка, давай, не жмись. Будет весело, – настаивает он, все еще не давая пройти.

– Я правда не могу, – качаю головой.

Хотя понимаю, что он симпатичный. Прикольный и веселый. И вообще лучше с ним куда-то пойти, чем думать о Белецком. Уж кому-кому, а банкиру я не пара. Особенно когда он решил, что я за ним бегаю.

Это ведь не так. Он мне не нужен. Хоть и нравится.

Но если человек нравится, то становится нужным. Такая дилемма. Только мне лучше о нем не мечтать. У него таких дур целая куча.

Он еще так резко высказался про мое поведение. Нужно было что-то ответить ему, а я не смогла, просто сбежала.

До сих пор чувствую стыд.

Ну и плевать. Больше ничего не будет.

– Пропустишь? – смотрю на Никиту.

Тот медленно отодвигается. Я проскальзываю в проход, слегка задев его. Нарочно ведь гад так сделал!

Я выхожу на улицу из ресторана.

– Я провожу тебя, – нагоняет Никита.

– У тебя смена закончилась? – удивленно смотрю на него.

А у самой ноги подрагивают. И из головы не уходит то, что сегодня сказал Белецкий.

– Да, сегодня пораньше, – усмехается Никита. – Начальник разрешил.

– Это хорошо, – машинально киваю.

Мы выходим к проезжей части. Рука Никиты опускается на мою талию.

– Не надо, – пытаюсь убрать ее.

– Да ладно, расслабься, – Никита притягивает меня ближе к себе.

– Пусти! Мне не нравится, – выкручиваюсь из его рук.

От странного блеска в глазах парня мне становится не по себе.

– А стоять на коленях перед клиентами нравится? – спрашивает он резким тоном.

Я недоуменно хлопаю ресницами, глядя на него. С чего он вообще это взял?

А ведь точно. Камеры. У нас же они почти везде в ресторане.

Кровь отливает от щек.

– Я просто облила его. Вот и вытирала.

– Да ну? Я видел, как ты на него смотрела.

– Так, Никита. Это вышло случайно, – зачем-то начинаю оправдываться.

– Ну да, – усмехается он. – А потом ты с ним уехала на машине. Думаешь, я и этого не видел?

Нервно сглатываю. Мне совсем не нравится, что он все это видел. И тем более, что хочет использовать увиденное против меня.

– Чего ты хочешь?

– Сама знаешь. Сколько он тебе заплатил?

– Что?

Я не понимаю, о чем он. Но Никита внезапно злится:

– Не строй дуру. Перед Белецким ноги раздвинула, а со мной не хочешь? Я что, рожей не вышел?

Страх проносится по телу. А Никита наступает на меня. В глазах ярость и бешенство.

– А это не твое дело, что у меня и с кем, – нахожу в себе силы.

Выпрямляю плечи. Сдаваться не собираюсь. Да, Никита хороший парень, я могла бы дать шанс, но до этих слов. А теперь, когда он показал истинное лицо, не хочу оставаться с ним рядом.

И это вовсе не из-за Белецкого.

– А почему бы и не со мной? – настойчиво предлагает Никита. – Пошли, покувыркаемся. У меня тут хата недалеко.

Я отступаю от него, но Никита продолжает идти за мной.

– Отстань, мне надо домой, – пытаюсь отделаться от него. – Меня дома ждут.

Быстро иду в сторону. Но Никита хватается за руку и притягивает к себе. Стараюсь вырваться, но не могу. Уж слишком крепко он держит меня.

Страх скользит по телу, накатывает волнами.

– Пусти, – отчаянно дергаюсь.

А Никита уже тащит меня.

Бросаю взгляд в сторону ресторана. Может, кто-то еще выйдет оттуда? Но мы уже успели отойти прилично, и как назло на улице никого. Только машины проносятся мимо. Даже если закричу, никто не услышит.

Паника захлестывает меня. Но сил у Никиты больше.

Пытаюсь оттолкнуть его от себя. Не позволю себя забрать.

– Да, чего ты, Каринка? – говорит он, прижимая меня к себе. – Идем. Повеселимся.

И тут тень накрывает нас.

– Отпустил ее, – слышится низкий голос. – Живо.

Хватка Ильи ослабевает. Он отступает от меня.

Я оборачиваюсь. Рядом стоит Белецкий. Он делает шаг и становится передо мной.

Страх вмиг улетучивается. Я ощущаю благодарность. Он тут. Даже не верится. Он что, за нами шел? Или заметил случайно? Или неважно. Все неважно, главное, что он спас меня. Все остальное не имеет значение.

– Да, мы так. Просто дурачимся. Я пригласил ее на свидание.

– Что-то незаметно, что она согласилась, – хмурится Белецкий.

Никита отступает, подняв руки:

– Извини, Карин, если что не так.

– Ну хоть извинился перед девушкой. Но начальству стоит знать, кто на него работает, – продолжает Белецкий.

Парень бледнеет. Он переводит взгляд с Белецкого на меня.

– Вот именно, – цедит злым тоном. – Все будет известно.

Никита просто уходит, оставляя меня и Белецкого. Игорь хмыкает вслед охраннику и поворачивается ко мне.

– Все в порядке? – спрашивает, осматривая меня с ног до головы.

– Да, спасибо, – обхватываю себя руками, потому что все еще дрожу. – Вы меня спасли.

– Не за что. Давай, подвезу домой, – предлагает он.

Я качаю головой.

– Не надо, спасибо.

– Тогда такси?

Я округляю глаза.

– Что вы. Мне с моей зарплатой только пешком ходить, – нервно ежусь.

– Сейчас ты одна не пойдешь домой. Я тебя подвезу или вызову такси.

Не могу понять причины его доброты, и это настораживает.

– Не надо. Я живу тут неподалеку, – вру, не глядя на него.

– Ничего страшного. Я тоже живу тут неподалеку, – усмехается Белецкий.

Краска заливает мое лицо. Вспоминаю, как добиралась от него домой.

– Идем, – приказывает он.

Мне ничего другого не остается, как подчиниться. Да почему бы и нет. Вдруг Никита опять следит за мной? Вдруг он еще что-то придумает?

Надо бы еще сделать так, чтобы наши смены не совпадали. Хотя это невозможно. У охранников почти ежедневная работа. Как ни крути, мне придется с ним сталкиваться. Выбора нет. Не получится по-другому.

А я как привязанная иду за Белецким. По телу проносятся мурашки. Голову дурманит запах его парфюма.

Игорь подходит к своей машине и достает ключи. Сигнализация плачет. Слышится щелчок. Мне открывают дверь на переднем сидении.

Молча забираюсь внутрь. Охрана Игоря сидит в соседней машине. Видимо, он решил сегодня сам быть за рулем.

Я слегка подрагиваю.

– Ой, спасибо вам. Вы опять меня спасли, – тараторю, не глядя на Игоря.

Тот сидит расслабленно на водительском сидении.

– Ничего страшного, – заводит мотор.

– Он видел нас, – мну пальцами края своей куртки.

– Плевать. Завтра его уже не будет в ресторане, – пожимает плечами Игорь.

– Останется запись с камер, – поясняю я. – Там где мы....

Замолкаю. Даже не смотрю на Белецкого. Не могу смотреть.

– Хорошо. Разберемся, – спокойно говорит он.

– Меня могут уволить. Хотя у нас ничего не было.

Я вновь густо краснею.

Ну да. Это в ресторане не было, а вот дома у Белецкого еще как могло быть!

– Если бы Климшин хотел, то уволил бы тебя еще вчера. Так что не беспокойся, – поясняет Игорь, следя за дорогой.

Я киваю. Ладно. Как скажет.

Пока едем, я то и дело кидаю взгляд на Игоря. На его пальцы, которые непринужденно лежат на руле. В голове возникают картинки, как эти пальцы трогают меня. В горле сразу пересыхает.

И снова мысли возвращаются к вчерашнему дню. Сегодня все повторяется. Та же машина, тот же мужчина, те же волнительные и пугающие ощущения. Только в этот раз меня хотя бы домой подвезут.

И все равно нервничаю рядом с Белецким.

Его телефон звонит. Он берет трубку, не отвлекаясь от дороги. Начинает говорить... кажется на французском.

Я хоть и не учила этот язык, но догадываюсь по звучанию, что это именно он. А вот Белецкий говорит на нем очень легко и естественно. Будто это второй родной.

Невольно прислушиваюсь к журчанию речи. Сама то и дело посматриваю на Игоря. Один раз, второй. И тут он ловит мой взгляд. Его глаза сразу темнеют.

Он что-то говорит своему собеседнику на французском и отключает телефон. Улыбка скользит по его губам, но теперь взгляд стремлен на дорогу.

Вот и здорово. Нечего отвлекаться в такой ответственный момент.

Но сидеть молча очень неловко.

– Красивый язык, – выдавливаю я. – Вы учили французский?

– Пришлось, – говорит Белецкий. – Я много лет жил во Франции.

– А сюда по делам приехали?

Не знаю, что дернуло меня за язык. Но даже сердце застыло, ожидая ответ.

– Да, возможно скоро уеду.

– А-а, вот как, – не могу скрыть разочарования.

Неприятное чувство скользит в груди. То есть он в любой момент может просто исчезнуть?

Ну точно. Зачем ему тут вечно сидеть? Такие люди могут позволить себе жить в любой стране.

– Должность обязывает, – он подмигивает мне.

Я опускаю взгляд, чтобы не выдать эмоций.

Машина сворачивает к моему дому. Я смотрю на окна на нашем этаже.

Там темно. Все уже спать должны.

– Спасибо, – говорю Белецкому.

– Телефон не забыла? – спрашивает он с улыбкой на губах.

Я тянусь к карману куртки. Все на месте.

– Да, он тут, – тоже невольно улыбаюсь.

И тут на меня что-то находит. Я кидаюсь на шею Белецкому и обнимаю его. Вдыхаю запах его парфюма. Он пьянит и кружит голову. Вдыхаю его – и не могу надышаться. М-м,

как же чудесно он пахнет.

Мужчина зарывается носом мне в волосы. Затем его губы скользят по чувствительной коже к моему уху, вызывая мурашки и вихрь возбуждения.

Слышу сдавленный стон.

Кажется, я заигралась.

Хочу от него отпрянуть, но не получается. Белецкий сжимает меня в своих объятьях, словно стальными клещами. Удерживает.

– А, эм... простите, – пишу ему в грудь, понимая, как глупо это все выглядит.

Руки Белецкого слегка разжимаются, но не до конца. Его темный, раздевающий взгляд скользит по моему лицу и опускается к губам. Я невольно провожу по ним языком.

Глаза Белецкого следят за каждым движением. Мне становится горячо от этого взгляда.

– Я пойду? – хрипло спрашиваю.

Хотя никуда не хочу уходить.

– Ага, – Игорь еще сильнее сжимает меня.

А затем вдавливают в спинку сиденья.

Его губы опускаются на мои. Я стону ему в губы. Мозг выключается. Жар охватывает все тело. Вновь горячими волнами накатывает возбуждение, которое было вчера. Хотя я вчера и сбежала, но сейчас не особо спешу. Понимаю, что надо бежать подальше от него. Ничего хорошего у нас с ним не будет. Но никак не могу остановиться и позволяю

целовать себя.

Его рука сжимает мою грудь. Я со стоном выгибаюсь навстречу этой руке. Прижимаюсь еще сильнее.

Игорь переходит от моих губ к щеке. Скользит губами к мочке уха, сжимает ее. Затем начинает целовать мою шею. Я уже сама прижимаю его к себе, цепляюсь за плечи. Тону в его объятьях, будто в глубокой воде. И совершенно не желаю вырываться из них.

Надо бы уйти. Вот прямо сейчас. Надо.

Но не хочу.

– Поедем ко мне? – хрипло спрашивает Игорь, глядя мне в глаза завораживающим взглядом.

Я нервно сглатываю.

– Не могу. Мне домой... пора. Ну и... – замолкаю, намекая на свою девственность.

Все же я еще вчера об этом сказала. Так чего опять спрашивать?

Игорь проводит пальцами по моим волосам.

– Не проблема. Это всегда можно решить, – он усмехается.

Я смотрю на него и чувствую, что краснею.

– Вы, наверное...

– Можешь называть меня на “ты”, – перебивает он, приложив палец к моим губам.

– Хорошо. Ты меня, наверное, неправильно понял. Я еще не была с мужчиной.

– Но хочешь? – улыбается Белецкий с видом Казановы.

По телу вновь пробегают мурашки. Да, хочу, но ему не признаюсь. Чтобы не смотрел на меня с таким самодовольным видом.

– Прости, я пойду.

Улыбка гаснет.

– Ладно, – он нехотя отпускает меня. – Тогда иди.

Я киваю. Сердце бешено бьется в груди. Надо уйти прямо сейчас. Так будет правильно.

Выскальзываю из машины в прохладу вечера. Сырой мартовский ветер тут же пробирается под тонкую куртку. Ежусь. Только вовсе не от холода. Я его даже не чувствую.

Машина Белецкого подмигивает мне передними фарами. А я устремляюсь к дому. Открываю дверь подъезда и вхожу внутрь.

Губы до сих пор горят. Провожу по ним пальцем, как делал он, и не понимаю, как же быть дальше.

Я безумно хочу Белецкого. Это я точно знаю. Но и расстаться с невинностью... не готова. Пусть в наше время девственность это не то, с чем стоит носиться, но первый раз все же пугает.

Тем более с мужчиной, который в любой момент может исчезнуть. С мужчиной, который стоит на сто ступенек выше меня и никогда не будет смотреть как на равную. Все, чем я могу стать для него – это постельная игрушка. Моих скромных познаний не хватит даже на то, чтобы поддержать

беседу. Да и в постели я быстро приемя и надоем. Такие мужчины предпочитают раскованных и опытных женщин.

Нет-нет, Белецкий точно не для меня. Мне нельзя с ним сближаться. Нельзя влюбляться. Иначе потом будет очень и очень больно.

С такими мыслями возвращаюсь домой.

Стараюсь действовать как можно тише, чтобы не разбудить никого. Иду в свою комнату.

Нина уже спит, отвернувшись к стене.

А у меня щеки так и пылают. Губы и грудь все еще чувствуют прикосновения Белецкого.

– Ты пришла, – сонно бормочет сестра.

Ее голос выбивает меня из воспоминаний.

– Да, как ты? – спрашиваю ее.

– Ты трубку не брала, – продолжает тихо и сипло.

Будто каждое слово выталкивает через силу.

Чувствую, что с сестрой что-то не так. У нее другой голос обычно.

– Я была занята, – сажусь рядом с Ниной на краешек кровати. – Что случилось? Двойку в школе получила?

Не знаю, что могло ее обидеть. Но порву любого, кто в этом виноват!

– Нет. Пятерка у меня сегодня по рисованию, – сестра немного приободряется и даже поворачивается в мою сторону.

Ужасаюсь ее опухшим глазам.

– Нин, что с тобой? Ты плакала?

– Ничего. Все хорошо. Просто тебя ждала, – она внезапно подпрыгивает и обнимает меня за шею. Шепчет жалобно и горячо: – Я очень испугалась, когда ты трубку не брала. Думала, что тебе телефон не отдадут. И позвонила. А там дядя взял трубку и сказал, что еще не отдал тебе телефон. Я попросила его прийти к тебе. Обязательно! Хотя он сказал, что возможно не получится сегодня. Вот.

Я напряженно застываю от ее слов. Но продолжаю машинально поглаживать по спине.

Это что же получается...

Она звонила Белецкому и просила за меня? А он ничего не сказал...

Это не сон? Ущипните меня.

Представляю лицо Игоря, когда сестра сказала ему принести мне телефон. Обязательно! Обалдеть. Вот же малая. То-то он злой такой был. Но вроде оттаял, когда я его обняла. Зато как поцеловал!

От одной мысли о тех поцелуях по коже ползут горячие мурашки.

Я понимаю, что это какое-то наваждение, странная реакция на этого мужчину, но ничего не могу сделать с этим.

– Ладно. Давай спать ложиться, – обнимаю сестру.

Нина послушно укладывается в кровать. Через минуту она начинает ровно сопеть – значит уснула.

Я тоже переодеваюсь и забираюсь под одеяло. Но уже вторую ночь сон не приходит ко мне. Вторую ночь я прислушиваюсь к реакциям своего тела. Сна ни в одном глазу. И понимаю, что теперь, когда мы стали с Белецким так близки, моя тяга к нему усилилась.

Но это опасно. Мне нельзя думать о нем, нельзя влюбляться. Иначе потом будет больно.

Как было больно маме, когда ее бросил отец.

А Игорь обязательно бросил меня, когда наиграется. В этом я даже не сомневаюсь.

Пусть мне всего восемнадцать, и кто-то скажет, что я еще жизни не знаю, но я давно не верю в сказки про принцев и золушек. Принцы и золушки – из разных реальностей. Даже если их сведут обстоятельства или минутная страсть, все равно в финале принц встретит принцессу, а золушке доста-

нется трубочист.

Вот и сейчас разум твердит, что нужно забыть о принце и поискать трубочиста. Только как это сделать, если все мысли о том, как мой принц меня целовал?

Все же засыпаю под утро. Что в принципе не так уж и плохо. У меня все равно выходной. Могу позволить себе спать до обеда.

Но с последним выходит неувязочка. Нина просыпается в семь утра и будит меня. Вспоминаю, что выходной только у меня, а не у школы. Так что приходится просыпаться.

Вместе мы собираемся в школу. Иду на кухню и делаю легкий завтрак. Вижу, что мы уже опаздываем.

Быстро собираю сестру. Едва успеваем доесть, как на кухню входит Руслан. Он потирает живот и смотрит на нас.

– Что, уже собираетесь? – зевает, оглядывая нас.

– Да, – киваю.

– А ты что, сегодня на работу не идешь? – продолжает он и идет к холодильнику.

Достает оттуда бутылку молока и делает глоток.

Морщусь.

Надо будет купить себе отдельно. Руслан хоть и не требует от меня тратить на продукты, но пить из бутылки, из которой пил чужой дядя, не особо хочется. Он ведь так и не стал мне родным. Даже несмотря на Соньку. Инстинктивно не доверяю ему. В каждом жесте, каждом слове подозреваю подвох. Может я к нему слишком предвзята, но не нравится

он мне – вот и все.

Но выбора нет. Мама в нем души не чает.

– Выходной, – поясняю.

– Отлично. Значит борщ приготовить, – заявляет Руслан.

Я удивленно смотрю на него:

– А почему я? Вам же нравится, как мама готовит.

– А почему нет? Ты девка видная, замуж когда-то пойдешь. Будешь мужу варить борщи. Или что там тебя в ресторане учат готовить?

Нина начинает ерзать на стуле, придвигаясь поближе ко мне. Ей тоже неловко в компании отчима.

– Я официантка, – говорю ему.

Странно, что он заговорил о готовке. Я если и готовлю, то разве что завтраки для себя и Нины. Мама сама готовит для Руслана и Соньки, а меня к плите даже не подпускает. На ужин или в выходные мы с Ниной обычно доедаем то, что от них осталось.

– А официантка не должна уметь готовить? – хмыкает Руслан. – Могла бы у поваров выпытать рецепты вкусных блюд. А то мать одна на всю семью горбатится, а ты ничего дома не делаешь.

Я отворачиваюсь, но молчу. Работа занимает много времени и выматывает меня. Но в выходные я убираю квартиру, как могу. Нашу с Ниной комнату, кухню, коридор и ванну с туалетом. А в спальню матери и Руслана меня не пускают. Так чего я должна ломиться?

– Хорошо, – соглашаюсь лишь бы не спорить. – Нина, ты хочешь борщ на обед?

Смотрю на сестру. Ни я, ни она борщ не любим. Для нас это прямо наказание, а не еда.

– Нет, – тихо отвечает сестренка.

– Хорошо, тогда я приготовлю нам что-нибудь другое.

– Приготовишь борщ, – с нажимом заявляет Руслан. – Сонечка всю ночь плакала, Марина не выспалась. А ты не перетомишься, если поможешь матери с обедом! Это твоя обязанность – помогать. А ты целым днями где-то шатаешься!

– Я работаю, – огрызаюсь, не выдержав несправедливых упреков.

– Работает она! Кому нужна твоя работа? Только жопой там крутишь! Ты женщина, твоя работа – готовить дома. Раз уж живешь за мой счет.

И так каждый раз. Сначала сам сказал не тратиться, мол, он еще в состоянии прокормить семью, а теперь при каждом удобном случае попрекает. Поэтому я молча покупаю продукты для себя и Нины. И стараюсь поменьше трогать то, что готовит мать за деньги Руслана.

Хотя последнее не всегда получается. На зарплату официанта не разгуляешься, если хочешь одеться, обуться, отложить на учебу и собственное жилье.

На кухню вливает мать. Она обводит нас настороженным взглядом. Но я быстро отворачиваюсь к раковине и мою посуду. Не хочу, чтобы еще она с утра пораньше к скандалу

подключилась. У нее и правда усталый вид.

– Русик, что за шум? Девочки тебе мешают? Что ты будешь на завтрак? – начинает она сюсюкать над мужем.

Мне будто по сердцу когтями ведут. С нами она так ласково не разговаривает.

– Яичницу поджарь, – бурчит Руслан, занимая место во главе стола.

Нина едва не подползает ко мне на своем стуле.

– Да-да, конечно. Девочки, заканчивайте быстрее, – говорит мама и достает яйца.

– Слушай, Марин. А чего Карина борщ не хочет варить? – внезапно спрашивает отчим.

Мать застывает на месте.

– Русик, а ты борщ хочешь? Так я сварю.

– Нет. Пусть она варит, – он устремляет на меня пристальный взгляд.

Нет уж, у меня другие планы на единственный выходной. Хочу сходить в одно место, узнать про подработку. И делать это надо с утра.

– Извините, но я сейчас ухожу. Приду домой вечером.

– Правильно. Зачем матери помогать? Лучше шляться по улицам! – цедит отчим, обводя меня странным взглядом.

Задерживается на моей груди.

– Мы с Ниной не хотим борщ, – инстинктивно прикрываюсь руками от его взгляда.

Терпеть не могу, когда он так смотрит.

– Я приготовлю, – фальшиво улыбается мама. – Карина не любит борщ, так что вряд ли он у нее вкусным получится. А у меня есть секретный рецептик.

Она бросает в мою сторону предупреждающий взгляд.

Я пожимаю плечами. Вот ни сколечко не собираюсь отнимать у нее это счастье.

– Но ты и так всегда готовишь, – настаивает Руслан. – А Каринка уже девка здоровая. Пусть помогает тебе на кухне! А то ты и с младшей, и с Ниной. Одна она тут как принцесса, ничего делать не хочет!

– Хватит, – я слишком резко хлопаю дверцей посудного шкафа. Тарелки печально звенят. – Нина, пошли, в школу опаздываем.

Нина быстро выходит из-за стола.

– Ну вот, о чем я и говорил. Никакого уважения к матери.

– Если мама хочет, я что-нибудь приготовлю на обед. Но вечером, – отвечаю, лишь бы отстал.

Знаю, что мама в жизни не позволит кому-то, кроме нее, готовить для “Русика”. Он же у нее царь и бог. А мы так, досадное недоразумение.

Мы уходим. Причем у меня желание подольше не возвращаться домой. Знаю, что Руслан уже ушел на работу, но мама никуда не ушла. Начнет меня упрекать, что я злю Руслана, что я должна его слушаться и все такое же в том же духе.

Неужели непонятно что ее новый муж мне неприятен? Нет у меня родного отца, а чужой мне не нужен! Чтобы потя-

нуть время, иду по всем адресам, где мне обещали подработку. Следующие несколько часов бегаю по городу, заполняю анкеты, прохожу собеседования. К концу дня чувствую себя сухофруктом. А еще надо дома прибраться хотя бы немного, пока не пришло время идти за сестрой. Тем более когда мама готовит, то оставляет полную раковину сковородок и кастрюль. Перемыть эту гору – тоже моя обязанность.

Я как раз натираю зеркало в ванной, когда звонит мой телефон.

Удивленно смотрю на экран. Марина Михайловна, учительница Нины. С чего бы это учительнице мне звонить?

Сердце сжимается в неосознанной тревоге.

– Здравствуйте, – говорю осторожно.

– Это Карина Мересьева?

– Да. Что случилось? – сердце начинает биться быстрее.

– Номер вашей матери вне доступа. Передайте ей, что Нине стало плохо на уроке. Сейчас она в медпункте, школьный врач предлагает вызвать “скорую”...

“Скорую”? Все так серьезно?

– Я сейчас приду! – не слишком вежливо обрываю учительницу.

Бросаю тряпку, бутылку с моющим и лечу в коридор.

Мать, конечно, не пойдет за Ниной ни в коем случае. Ей же надо за малой следить, да еще приготовить что-то Руслану. Это все, что ее волнует. Так что я лучше сама схожу за сестрой.

Ежусь, вспоминая, как сама болела. Мама все время была на работе. Ни разу не взяла больничный. Утром оставляла лекарства, которые врач выписала, и уходила до самого вечера. А я лежала одна, целыми днями в пустой квартире.

Зато подруга рассказывала, что ее мама даже с работы уволилась, чтобы за ней ухаживать. Я тоже о таком мечтала, но моя сначала работала, а потом забеременела Ниной и вообще перестала подходить ко мне. Говорила, что я ее могу заразить, а беременным нельзя пить лекарства. Вместо нее помогали бабушка и отец. Тогда он еще был нашим отцом. Теперь у нас нет ни бабушки, ни отца. Но и я уже не маленькая девочка. Сама позабочусь о себе и о сестре.

Я быстро одеваюсь.

На шум из кухни выходит мать.

– Ты куда? – с подозрением смотрит на меня.

– За Ниной.

– А не рано ли?

– Позвонили со школы, сказали, что ей стало плохо.

Лицо матери кривится.

– Прекрасно. Просто чудесно! – она всплескивает руками. – Наверняка это грипп! Или еще что похуже. Как ведешь ее домой – сразу в комнату. И пусть там сидит. Еще не хватало заразить Сонечку, у нее только насморк прошел!

– Мам, Нина тоже твоя дочь, – тяжело выдыхаю, засовывая ногу в кроссовку.

– И что? Нине уже семь лет! А Соня совсем маленькая. Маленькие дети болеют тяжелее, чем взрослые, и лечить их сложнее. Иммуитет еще слабый, а антибиотики вообще нельзя, иначе можно на всю жизнь ребенку здоровье угробить.

Я качаю головой. Иногда мне кажется, что она нас с Ниной просто терпит, но была бы ее воля – давно бы уже выставила их дома. Потому что мы мешаем ее счастью с Русланом.

– Все. Я пошла, – не прощаясь, выскакиваю наружу.

До самой школы бегу, лишь иногда переходя на быстрый шаг. В голове так и бьет мысль, что с Ниной случилось что-то ужасное. Учительница так толком и не объяснила, а слово “плохо” можно понимать по-разному.

В холле, не успев отдышаться, набираю Марину Михайловну. Дальше меня охрана не пустит.

Вскоре приводят Нину.

– Ей на физкультуре стало плохо, – объясняет учительница. – Медсестра замерила, у Нины высокая температура. Мы дали жаропонижающее, но ей нужно срочно к врачу. Есть подозрение на грипп. Ох, у нас уже половина детей на больничном сидит с этим гриппом. Видимо, и Нина подцепила.

Она качает головой.

– Спасибо вам.

Протягиваю сестре руку. Мелькает мысль, что я тоже могу заразиться, но плевать. Сестра важнее.

– Привет, как ты? – спрашиваю Нину.

Та жметса ко мне.

– Не очень, – поднимает на меня красные глаза.

– Ну, тогда пошли к доктору, – ободряю ее улыбкой.

Сестра горит. Едва касается ладошкой моей руки – и я сразу чувствую жар, исходящий от нее. Понимаю, что без врача никак. Надо идти в поликлинику. Хотя можно и на дом вызвать. Но когда этот врач до нас еще доберется. Быстрее сами к нему дойдем.

Идем в районную поликлинику. Нашего врача нет, так что Нину осматривает дежурный педиатр Ольга Юрьевна. Зато на наше счастье очереди к ней почти нет. Всего полчаса ожидания – и мы в кабинете.

Нервничаю, пока врач проверяет у Нины горло, слушает сердце и легкие. Мне не нравится, как Тамила Юрьевна хмурит брови. Неужели что-то серьезное?

– Идите, сделайте рентген легких, – она протягивает мне направление. – Рентгенолог еще работает. И с результатом сразу приходите ко мне, без очереди.

Я бледнею, но киваю, показывая, что все поняла.

Идем с Ниной на третий этаж. Сестренка тяжело дышит, будто ей воздуха не хватает.

– Мне холодно, – говорит жалобным тоном.

Но в больнице тепло – и это меня пугает. Сжимаю в кармане чаевые, которые получила за последнюю смену. Надеюсь, этого хватит на лекарства.

В рентгенкабинете нас уже ждут. Догадываюсь, что это педиатр позвонила. Нину сразу проводят в кабинку, а я остаюсь в коридоре, нервно переступать с ноги на ногу. Внутри все обмирает от нарастающей тревоги. Скрещиваю пальцы в карманах, начинаю молиться: только бы все было хорошо!

Вскоре сестра выходит. В глаза сразу бросается ее несчастный вид. Следом за ней выходит врач. Протягивает мне пленки с рентгеном.

– Вы сейчас к Тамиле Юрьевне? – спрашивает, пристально глядя на меня.

– Да, – прижимаю сестренку к себе.

– Хорошо, не затягивайте.

От ее слов, а особенно от тона, которым они были сказаны, меня бросает в холодный пот.

– Идем, – говорю Нине.

– Не хочу, я устала, – хнычет она.

– Еще немножко осталось. Хочешь, я тебя понесу?

Она кивает и трет глаза кулаком.

– Хорошо, забирайся на спину и крепко держись. Поняла?

На руках я ее точно не унесу, а так хоть какой-то шанс.

Нина устраивается у меня на спине. Как маленькая обезьянка. Я держу ее за ноги, подхватив их под колени, а она сжимает мою шею ручонками.

– Только не сильно дави, – предупреждаю.

Так мы и спускаемся на первый этаж, где кабинет дежурного педиатра. Там уже очередь, как в голодные годы за хлебом – конца ей не видно. Но я молча иду к самой двери.

– Эй! – кричит какая-то тетка. – Куда прешь? Очередь занимай!

– Девушка! – вылетает вперед другая. – Вы занимали?

– Мой сестре плохо, врач сказала, – начинаю я.

Но меня тут же перебивают:

– Тут всем плохо! И детки есть помладше твоей сестры! Совсем совесть потеряла!

Стискиваю зубы. На глазах наворачиваются злые слезы. Но, к счастью, дверь кабинета открывается, выглядывает медсестра и быстрым взглядом обшаривает толпу:

– Мересьева здесь?

– Да! – кричу с облегчением. – Это мы!

– Заходи, – она распахивает дверь пошире.

Слышу летящее вслед:

– Совсем молодежь обнаглела!

Но мне уже все равно. Пусть говорят, что хотят.

– Долго вы, – Тамила Юрьевна недовольно качает головой. Разглядывает пленки с рентгеном. – Все хуже, чем я думала.

Во рту сразу становится сухо. В горло будто стекла насыпали.

Врач складывает руки в замок и поднимает на меня изучающий взгляд.

– У твоей сестры двусторонняя пневмония. Ей нужна срочная госпитализация. Сообщи родителям, а я пока подготавливаю направление.

– Нет... родителей, – выдавливаю через силу. – Мама занята, я сама.

Взгляд врача становится понимающим:

– Ну сама, так сама. Лена, – кивает она медсестре, – вызывай машину. Пусть везут в горбольницу.

– Подождите, – останавливаю их, нервно сжимая ладошку Нины. – А других вариантов нет?

Наша больница уже несколько лет закрыта на ремонт, всех больных кладут в другую, которая в соседнем районе. А до нее от дома – сорок минут автобусом. И почти полтора часа ехать от ресторана. Там я просто не смогу навещать сестру!

Врач и медсестра переглядываются

– Ну, – говорит Тамила Юрьевна, – с вашим диагнозом только стационарное лечение. Могу предложить частную клинику, отсюда недалеко. Правда, у них нет детского отделения.

– Как называется? – достаю телефон, чтобы сразу на карте проверить, где это “недалеко”.

– “Эдельвейс”.

Знакомое название. Вбиваю его в поиск на карте. Через пару секунд геолокация показывает, что от нашего дома до клиники всего десять минут пешком. Просто я в ту сторону редко хожу, вот не сразу и вспомнила про нее.

– Если подходит, то я могу прямо сейчас переговорить с главврачом, – с участием продолжает Тамила Юрьевна. – Цены у них, конечно, высокие, но часть покроет страховка.

Я во все глаза смотрю на нее. Нет у нас никакой страховки, кроме обычного полиса, который заставили в школе оформить. Но вряд ли он покроет лечение в частной клинике.

Впрочем, альтернативы нет. Я соглашаюсь. Потому что вести Нину домой нельзя. Там Соня. И таскать больную сестру туда-сюда тоже не вариант.

– Хорошо, звоните в Эдельвейс. Только уточните, сколько нужно заплатить сразу.

Если что, потрачу свою заначку. Ту, которую на колледж откладывала. Заработать всегда успею, главное чтобы с Ниной все было в порядке.

Тамила Юрьевна кивает. Она звонит какому-то Федору Евгеньевичу, видимо это тот самый главврач. Говорит с ним так, словно флиртует. Загадочно улыбается. Но при этом серьезный взгляд сосредоточен на Нине.

– Я устала, – канючит сестра.

– Потерпи, уже недолго, – обнимаю ее. – Сейчас поедem в клинику.

– Я боюсь. Я там одна буду.

Стискиваю зубы. Да, в таком возрасте дети уже сами в больнице лежат.

– Я буду к тебе приходить, – обещаю.

– А мама? – она жалобно смотрит на меня.

Ощущаю тяжесть в груди.

– Мама тоже будет, – натянуто улыбаюсь. Но сама понимаю, что вру. – Только без Сони.

– Хорошо, – соглашается Нина.

Я тяжело вздыхаю.

Придется идти на поклон к Ольге Николаевне, просить, чтобы поставила в среднюю смену. Тогда смогу утром навещать сестру.

Зато не увижу Белецкого – всплывает незванная мысль. Ведь он приходит только по вечерам.

Ну и пусть. Сейчас главное, чтобы Нина была здорова.

Но как бы я не убеждала себя в этом, сердце все равно тоскливо сжимается.

Наконец, мы с Ниной выходим из кабинета. Я вызываю такси. Несколько минут езды – и нас высаживают возле клиники. В регистратуре улыбчивая девушка протягивает мне прайс. Еле сдерживаю испуганный возглас. Все-таки цены кусачие. Но три дня в общей палате и полный пансион я могу оплатить. Так что Нину сразу оформляют в стационар.

– Вот квитанции на оплату наших услуг, – продолжает администратор, – обязательные анализы, кардиограмма, УЗИ, рентген...

– Мы делали рентген, – машинально перебиваю.

– Хорошо, рентген вычеркиваю. У вас наличка или карта?

– Наличка, – сглатываю, доставая из кармана купюры. Целую горсть.

Вижу, как меняется ее взгляд. Из вежливого становится презрительно жалостливым.

Ну и что, что в кармане помялись? Не всем же таскать с собой кошелек.

Пока она пересчитывает деньги, я нервно притоптываю на месте. У меня остается еще мелочь, а взгляд падает на автомат с кофе. Время обеда давно прошло, а я с утра ничего не ела.

– Я отойду, – говорю администратору.

– Да-да, я все оформлю, можете не переживать.

Подойдя к автомату, решаю выбрать какао. Кидаю мелочь в приемник. Нажимаю на кнопку.

Взгляд цепляется за знакомую фигуру. Поворачиваю голову. Белецкий. А он что здесь забыл?

Точнее, мало ли что он тут забыл. В конце концов, каждый из нас имеет право посещать клинику.

Но по телу пробегают мурашки, когда смотрю на него. В голове возникает дурацкая мысль: я одета не так. В домашней растянутой кофте и таких же штанах. И куртка старая. Схватила с вешалки первое, что попало, а попало то, в чем обычно мусор выношу.

А еще я не покрашена. Ужас.

Быстро начинаю водить рукой по волосам, будто это поможет их расчесать.

Хотя не факт, что Белецкий вообще заметит меня.

На всякий случай отворачиваюсь к автомату. Тот шипит, намекая, что напиток готов.

Протягиваю руку к стаканчику.

Вот и все. Сейчас заберу свой какао и тихо свалю. Белецкий меня не увидит. А если увидит, то не узнает.

Бумажный стаканчик очень горячий. Аккуратно вытаскиваю его из-под крана. Дую на шапку пены и разворачиваюсь.

Чтобы едва не вылить напиток на грудь мужчины.

Белецкий стоит прямо передо мной. Смотрит в упор. Обводит мое лицо нечитаемым взглядом, затем осматривает целиком.

– Здравсте, – выдавливаю испуганно.

Сердце заходится в бешеном ритме. Запах его парфюма окутывает меня.

– Привет. Вкусный кофе?

Кивает на мой стаканчик.

– Это какао, – хрипло отвечаю ему.

Я забываю, как дышать рядом с ним. Сердце колотится где-то в ушах. Такими темпами, я тут рядышком с Ниной прилягу в этой клинике, если не перестану так реагировать на Белецкого.

Губы Игоря медленно раздвигаются в усмешке.

– Какао вкусное? – он слегка склоняет голову набок.

Смотрит на меня как на диковинку какую-то.

Делаю глоточек. Потому что понятия не имею, какое оно на вкус. Горячая жидкость обжигает язык, и я морщусь.

– Горячее так точно, – ощущаю, как неприятно покалывает внутри рта.

Ух, мало подула. Надо еще.

А Игорь смотрит на мои губы. Жар приливает к щекам. Даже не знаю, что больше горит. Рука, которой я держу стаканчик, или губы под взглядом Белецкого.

– Что ты здесь делаешь? – продолжает мужчина.

Это какая-то магия рядом с ним. Ощущение, что весь мир исчезает. Будто нет тут стойки регистрации, где записывают пациентов и выдают больничные листы. Нет других больных, переговаривающихся между собой, спрашивая о время

записи.

– Сестру привезла.

Чувствую, как на лице появляется улыбка.

Не могу ее контролировать. У меня же сестра болеет, а я улыбаюсь.

– И что с ней?

– Пневмония.

– Понятно, – он делает шаг ко мне.

Вздрагиваю. Но Белецкий просто обходит меня. Начинает хлопать себя по карманам.

– Есть мелочь? – оборачивается ко мне. – Я бумажник оставил в машине, а эта штука не дает сдачу.

Протягиваю ему оставшиеся монеты. Он берет несколько штук с моей ладони и вкидывает их в автомат.

– Так что там с твоей сестрой? – спрашивает таким тоном, будто не слышал, что я сказала раньше, или забыл.

– Пневмония, – повторяю, чувствуя небольшую обиду.

– Печально, – качает головой, не глядя в мою сторону. – Думаю, с ней все будет в порядке.

А сам нажимает на кнопки на аппарате.

– Да, – смотрю ему в спину. – Я тоже на это надеюсь. Не дешевое удовольствие.

– Зато врачи здесь хорошие.

Аромат кофе разливается в воздухе. Белецкий забирает напиток и наконец-то поворачивается ко мне.

– Ждешь родителей? – спрашивает зачем-то.

Я же так засмотрелась на его губы, что не сразу соображаю, что нужно ответить.

– Родителей? – недоуменно моргаю.

– Ну да. Сестре сколько лет? Они ее оформляют, а ты ждешь? – усмехается он.

– Нет. Я-я... тут одна, – признаюсь ему.

Он явно удивлен. Еще раз осматривает меня.

– Ясно, – говорит странным тоном. – И давно сестра болеет?

– Только сегодня положили в больницу.

Опускаю взгляд в свой стаканчик. Все же делаю глоток чуть остывшего какао. Вот теперь нормально. Можно пить.

Поднимаю голову и сталкиваясь с задумчивым взглядом Белецкого.

– А вы тут какими судьбами? – перевожу тему.

Тяжело мне придется, если он продолжит расспросы о родителях.

– К аллергологу ходил, – морщится Игорь.

Даже не ожидала, что он ответит. Странно уже то, что он со мной говорит.

– А-а, помню. Перец, – улыбаюсь я.

– Он самый. Попался сегодня за обедом.

– Это в нашем ресторане?

– Нет. Заказал доставку в офис. Не заметил, что в салате был перец, – усмехается Игорь. – Вот и решил заглянуть к врачу. На всякий случай.

– Ясно, – киваю. – Это правильно. За здоровьем надо следить.

– В моем возрасте? – усмехается Белецкий.

Жар приливает к щекам.

– Эм. Я не это хотела сказать, – тут же выпаливаю. – Я вообще ничего не говорила о вашем возрасте.

– Еще не хватало. По-твоему, я уже старый?

– Ну, вы старше меня. Это факт...

Прикусываю язык.

Что я вообще несу? Пора бы остановиться. Но мне очень хочется продлить этот момент. Миг, когда я просто общаюсь с мужчиной, который мне нравится.

Только Игорь хмурится. Смотрит на меня тяжело и недовольно.

Ой, кажется, что я что-то не то сказанула. Вот могу же ляпнуть, не подумав.

– Да ладно. Ненамного старше, – говорит он внезапно. – Сколько тебе?

– Двадцать, – быстро вру.

Зачем? В тот момент даже не понимаю. Эта цифра сама слетает с губ.

Хотя, может потому, что если скажу свой настоящий возраст, он решит, что я еще ребенок, и не станет со мной общаться.

Белецкий изучает мое лицо задумчивым взглядом.

– Мне тридцать. Десять лет сейчас не разница. По сравне-

нию с тобой, не такой уж я и старик.

– А я не говорила, что вы старик, – отвожу взгляд. – Наоборот, хорошо, когда мужчина старше.

Ой, все. Стукните меня по башке. Что я несу?!

Это все стресс из-за сестры. По-любому, именно он.

– Ладно, – усмехается Игорь. – Тебя подвезти?

И вновь смотрит на меня.

А я не знаю, соглашаться или нет. Очень хочется побыть с ним подольше. Только это “подвезти” каждый раз заканчивается поцелуем...

В конце концов соглашаюсь на его предложение.

Понимаю, что играю с огнем. Что я ему не нужна. Ну, может на одну ночь – и то вряд ли. И все равно глупо цепляюсь за любую возможность побыть с ним подольше. За каждую каплю времени, проведенную с ним.

Ничего не ожидаю в ответ. Просто хочу быть рядом. Вдыхать аромат его парфюма, смотреть, как он улыбается, как его пальцы держат стаканчик с кофе или медленно прогуливаются по моей коже, оставляя на ней дорожку из щекочущих мурашек...

– Ты голодна? – спрашивает Игорь, заставляя вынырнуть из радужных мыслей, в которых он уже несет меня на руках в спальню и укладывает на кровать, устеленную лепестками роз.

– А? – вздрагиваю и пристыженно смотрю на него.

– Есть хочешь? Можем поужинать где-нибудь перед тем, как я тебя отвезу.

Нервно сглатываю.

Надеюсь, он не догадался по моим горящим щекам, о чем я только что думала.

– Так что? – продолжает смотреть на меня.

Провести еще полчаса, а может и часик с мужчиной

своей мечты? Разве я могу отказаться?!

– Хорошо, – поспешно киваю.

– Ладно, идем.

Меня охватывают запоздалые сомнения.

А если он посчитает меня корыстной? Тут сестра больная, а я еду с ним на ужин. Надо будет за себя заплатить. Точно, у меня же и денег с собой нет! Я все отдала на больницу. Ну ничего, мы же наверняка в “Элизиум” поедem, попрошу Ольгу записать заказ мне в счет зарплаты. Работникам ресторана такое позволено.

Стискиваю кулаки и прячу их в рукава куртки.

– Нервничаешь? – спрашивает Белецкий, замечая мой жест.

– Немного, – пожимаю плечами.

– Ничего. С твоей сестрой все будет в порядке, – говорит он.

– Как и с вашей аллергией? – спрашиваю его.

Прикусываю губу. Белецкий смотрит на меня темным взглядом. То ли прибить хочет, то ли еще чего.

А я смотрю на него и не могу отвести взгляд. Что я вообще только что сказала? Я же не буду ему говорить, что нервничаю из-за него. Из-за того, что он так близко.

– Конечно. Я с ней всю жизнь живу. Сейчас уже легче. Только пятна появляются, если съем перец, а раньше и удушье было, и Квинке, – морщится Белецкий.

– Ясно, – киваю я.

В холле внезапно включается громкоговоритель.

– Мересьева Карина Александровна! – слышу голос администратора. – Подойдите к регистратуре!

Морщусь. Ну зачем так орать? Я же в двух шагах от регистратуры стою!

– Тебя? – краем губ улыбается Белецкий.

– Ага.

– Ну иди, я подожду в машине.

Не успеваю спросить, как я найду его машину. Он просто разворачивается и уходит, предварительно бросив пустой стаканчик в урну. Со вздохом, отправляю туда и свой. Иду к регистратуре.

– Все, ваша сестра оформлена. Вот график посещений и телефон дежурной медсестры, на случай, если что-то понадобится, – администратор выдает мне визитку клиники.

– Я могу увидеть Нину? – прячу визитку в карман.

– Время посещения у нас с обеда до ужина. Но скорее всего, сейчас ваша сестра на процедурах, как вновь поступившая. Лучше поговорите с ее лечащим врачом, – улыбается администратор. – Антон Яковлевич – отличный специалист. С ним ваша сестра в надежных руках.

У меня ощущение, будто она эти слова заучила и всем говорит.

– Ладно, а где его найти?

Она бросает взгляд на часы.

– Скорее всего сейчас он в ординаторской. Второй этаж,

пульмонология, кабинет двести три.

– Спасибо.

Не дожидаясь лифта, лечу на второй этаж по широким ступенькам. Понимаю, что Игорь может не дожидаться меня и уехать, но и уйти просто так, не поговорив с врачом, не могу. Раз мне не дают увидеться с Ниной, то хоть этого Антона Яковлевича расспрошу что да как.

На втором этаже всего два отделения: хирургия слева, а пульмонология – справа, о чем говорят крупные надписи над дверями. Третьим от входа оказывается кабинет двести три. На свой вежливый стук слышу:

– Войдите.

Робко просачиваюсь в кабинет.

– Здравствуйте, – осматриваю помещение с диванами и столами. На первый взгляд оно кажется безлюдным. – А мне нужен Антон Яковлевич...

– Это я, – из глубины кабинета выходит мужчина средних лет. – Что вы хотели?

Невысокий, упитанный, в белом халате и со стетоскопом на груди. Лицо у него доброе, располагающее, глаза смотрят на меня с ожиданием.

Я не сразу замечаю позади него стол с дымящейся чашкой. Человек, наверное, чай пил, отдыхал, а тут я пришла. Мне становится немного неловко. Нервно мну рукава своей куртки.

– Простите, я хотела узнать про сестру. Ее час назад при-

везли. Семь лет, воспаление легких...

– Это та девочка? Нина? – кивает врач. – Так ты, значит, Карина.

– Да. Как она?

– Состояние стабильное. Вы вовремя к нам обратились, – врач слегка улыбается. – С ней все будет хорошо, но минимум три недели придется полежать у нас.

– Три недели? – ахаю я.

– Да, но лечение на этом не закончится. Обычно пациенты еще неделю-две продолжают ездить на процедуры.

– Целый месяц, – качаю головой.

Мысленно умножаю стоимость одного дня на количество.

Это плохо. Очень плохо. Моей заначки едва хватит, чтобы покрыть содержание Нины. А ведь еще нужно платить за лекарства. Ну ничего, что-нибудь придумаю, главное, что у меня в запасе есть время.

Попрощавшись с врачом, я в глубокой задумчивости покидаю больницу. Мысли о том, где достать денег, так захватили меня, что я забываю про Игоря.

Иду мимо стоянки машин. Одна из них начинает сигналить и подмигивать фарами. Только когда оттуда выглядывает Белецкий, я вспоминаю, что он меня ждет.

– Садись, – Игорь выходит и открывает вторую дверцу рядом с водителем.

Машинально забираюсь в салон.

К моему изумлению, едем мы не в “Элизиум”.

– Я тут один ресторанчик присмотрел, – поясняет Игорь в ответ на мой удивленный взгляд. – Давно хотел сходить.

И что же мне делать?

– Я не одета для ресторана, – смущенно оглядываю себя. Не говорить же ему, что у меня банально нет денег? – Может, в следующий раз? Да и поздно уже...

Белецкий усмехается.

– Детское время.

Машина останавливается возле сияющего огнями входа.

Вздрагиваю, когда с моей стороны открывается дверца. Белецкий слишком быстро обходит автомобиль.

– Идем, – протягивает мне руку.

Касаюсь его теплой ладони холодными пальцами. Меня обдаёт жар его кожи. По телу пробегают мурашки. Я вообще уже не соображаю, что происходит. Какая-то нереальность происходящего.

Белецкий ведет меня в сторону ресторана.

Я немного тушуюсь. Он-то в офисной одежде, а я в обычных джинсах и куртке. Но нас пропускают.

Мы проходим внутрь. Игорь кивает какой-то девушке, в одиночестве сидящей за столиком. Я невольно разглядываю ее. Симпатичная. Интересно, знакомая Белецкого? Сердце слегка колет. На моем фоне незнакомка выглядит просто идеально, я – пугало огородное.

– Ваша подруга? – ревниво спрашиваю его.

– Сотрудница. Странно, что она здесь одна, ну да ладно, –

отвечает мой спутник.

Администратор проводит нас в дальний закуток к мягким диванам. Пока снимаю куртку, нам принося меню. Сажусь и первым делом смотрю на цены.

М-да, похоже, здесь я себе только стакан воды из-под крана могу позволить.

– Не стесняйся, заказывай, что хочешь, – говорит Игорь.

Я понимаю, что он наблюдает за мной.

– Ага, – утыкаюсь в меню.

Может, выбрать салатик попроще?

Но на первой странице меня встречают фотографии мясных блюд. Такие аппетитные, что во рту собираются слюнки. Кажется, я уже даже слышу запах этих жареных ребрышек в медовом соусе, стейков на гриле, исходящих жиром кусочков шашлыка...

Сглатываю и быстро переворачиваю страницу.

Так, тут салаты.

– Определилась?

– Да, салат из свежей капусты, – называю самое дешевое блюдо.

Белецкий приподнимает бровь.

– Ты вегетарианка?

– Ага...

Мучительно краснею.

– И давно ею стала? – в глазах Игоря появляются смешинки.

Кажется, он меня раскусил.

– Ну... – смущенно ерзаю на месте, – вот только что.

– Все понятно, – он усмехается.

Вскоре к нам подходит официант. Белецкий сам делает заказ. Заказывает два “рибая”, картошку по-деревенски и мой салат. Из напитков берет лимонад и бокал вина.

Официант уходит от нас.

– Красивое место, – делаю вид, что осматриваю ресторан.

Потому что Белецкий не сводит с меня пристального взгляда.

– Как и ты, – говорит он внезапно.

У меня от смущения начинают щеки гореть. Жар заливает лицо, шею и грудь.

Искося смотрю на Белецкого. А тот открыто изучает меня. Скользит горячим взглядом по моим губам, по шее, по открытым в вырезе футболки ключицам...

– Очень красивая, – произносит Белецкий низким хриплым голосом, от которого у меня все внутри замирает, а затем поет как струна.

Обалдеть. Меня назвали красивой. Еще и мужчина, который мне нравится.

– Спасибо, вы тоже, – внезапно срывается с моих губ.

Я тут же захлопываю рот рукой.

Представляю, как глупо выгляжу со стороны.

Но Белецкий не смеется.

– Это радует, – отвечает с серьезным видом.

Я в очередной раз краснею.

Хорошо, что в этот момент нам приносят напитки. При чем бокал с вином ставят передо мной.

– Это для тебя, – чуть улыбается Игорь. – Я за рулем.

– Ну... я вообще-то не пью, – смущенно смотрю на бокал.

Белецкий пристально наблюдает за мной.

– Это хорошее вино. Не бойся, с одного бокала не опьянеешь. Тебе просто нужно расслабиться. А то у тебя уже морщинка на лбу появилась.

Хватаюсь за лоб, чем вызываю улыбку на лице Игоря.

Да, мне определенно не помешает расслабиться, а то веду себя как ребенок. Он же думает, что мне уже двадцать. А в двадцать – девушка может позволить себе немного вина...

Игорь смотрит на меня темным горячим взглядом. Любуется.

Я спрячусь за бокалом, вдыхаю терпкий аромат вина, но не решаюсь глотнуть.

Понимаю, зачем это все.

Женщины за соседними столиками, не стесняясь, разглядывают его. Прямо пожирают взглядами. И он порой поглядывает их. Небрежно проводит взглядом по лицам и вновь фокусируется на мне.

От его внимания я немного теряюсь. Машинально делаю глоток.

Жидкое, тягучее тепло обволакивает горло и медленно скользит вниз.

– Нравится? – Игорь пристально смотрит на меня.

– Вкусно, – говорю еле слышно.

А у самой щеки горят. Тело бросает в жар. Наверное, это от того, что глотнула вина на голодных желудок...

Наконец, нам приносят еду. Я со слюнками во рту смотрю на огромную порцию мяса. Их тут даже две. Интересно, как быстро Белецкий с ними управится?

Он придвигает тарелки поближе к себе.

– М-м-м, – тянет он, – какой аромат!

И делает первый надрез поперек стейка.

Я не могу отвести взгляда от его рук. Как же он все ловко делает. Длинные пальцы уверенно держат вилку и нож. А мясо сочится аппетитным соком.

У меня в животе начинает бурчать.

Я быстро отвожу взгляд и утыкаюсь в тарелку с салатом.

Так, что у нас тут...

Капуста, огурец, укропчик...

Накалываю на вилку кусок огурца.

– Хочешь? – Игорь подвигает ко мне тарелку со вторым стейком.

Я сглатываю слюну. Получается слишком громко.

– Точно хочешь, – улыбается Белецкий. – Давай, бери. Для меня одного это много.

Смотрю то на него, то на вожделенный стейк. Неужели Игорь нарочно заказал его, чтобы накормить меня? Что же он тогда думает обо мне?

Опускаю взгляд на свою выцветшую и растянутую кофту.

А, ну да. Я же бросилась за Ниной в той одежде, в которой дома чистоту наводила.

Боже, он меня, наверное, принял за бомжа?

Но и согласиться на его предложение я тоже не могу! У меня нет денег, чтобы заплатить за себя.

– Я не хочу мясо, – вру, и жар вновь приливает к щекам.

– Да, ты вегетарианка, я запомнил, – усмехается Игорь, склонив голову набок. – Но сегодня, пожалуйста, сделай ис-

ключение ради меня.

Он отрезает кусочек и протягивает мне. Смотрит прямо в глаза. И я понимаю, что не могу отказать. Он словно завожил меня этим взглядом.

Мои губы приоткрываются сами собой. Кусочек сочного мяса попадает прямо в рот. И я, не в силах разорвать зрительную связь, начинаю медленно его пережевывать.

Палец Игоря скользит по моим губам. Его глаза наливаются темным желанием.

– Ты испачкалась, – говорит он хриплым голосом.

А затем подносит палец к своему рту и быстро снимает губами каплю соуса.

Мое сердце заходится в бешеном ритме. Губы горят. Кажется, что Белецкий только что облизал не свой палец, а меня.

О чем я только думаю!

Быстро опускаю взгляд в тарелку и принимаюсь отчаянно пилить бедный стейк.

Конечно, у меня не получается так изящно и легко разрезать мясо. Не получается даже локти держать опущенными, они как крылья все время норовят вылезти в стороны. Да и мясо слегка жестковато. Но я стараюсь, повторяя действия, которые видела в кино.

Белецкий с улыбкой наблюдает за мной. Это злит. Не глядя на него, сосредотачиваюсь на стейке.

Мясо на самом деле сочное, нежное. Едва не урчу от удо-

вольствия. Здорово, наверное, зарабатывать столько, чтобы каждый день так ужинать. Я бы не отказалась!

Следом за этой мыслью приходит другая: такое счастье мне не грозит. Карина, спускайся на землю. Нужно еще придумать, где деньги на клинику взять.

Просить у Руслана – не вариант. А у матери давно своих денег нет. Пособие по уходу за ребенком не считается.

И в долг брать не хочется. Да и кто мне одолжит? Среди моих знакомых нет таких, кто может просто взять и выложить из кармана нужную сумму.

Может, попробовать взять кредит? Попрошу Ольгу за меня поручиться, а потом выплачу потихоньку...

– В первый раз девушка грустит рядом со мной, – внезапно говорит Игорь.

Я поднимаю на него взгляд.

– Ты очень громко вздыхаешь, – поясняет он. – И ничего не ешь.

– Прости, просто за сестру беспокоюсь.

Белецкий хмурится.

– Ничего. Все болезни можно вылечить в наше время.

– Не все, – отвечаю тихо.

– Воспаление легких – лечат, – успокаивает Игорь. – Все с твоей сестрой будет в порядке, не волнуйся. Тем более в “Эдельвейсе” замечательные врачи.

Я тяжело выдыхаю. Он прав. Надо думать о хорошем и не нагнетать.

Нина обязательно поправится. Она сильная девочка. Только мне не дает покоя, как она могла заболеть. Все же на улице уже не зима. И пусть ночи еще холодные, но днем солнышко хорошо прогревает воздух. Скоро можно будет без курток ходить.

Подходит официант, чтобы убрать тарелки.

– Что-нибудь еще закажете? – с вежливой улыбкой смотрит то на меня, то на Игоря.

– Нет, – отвечает Белецкий, – счет, пожалуйста.

Молодой человек возвращается с маленькой папкой на подносе.

– Как желаете оплатить?

– Картой.

– Наличкой – выпаливаю я, сжимая в кармане пару купюр.

Это сдача, которую отдала администратор клиники.

– Картой, – повторяет Игорь, удерживая мой взгляд.

– Хорошо, – сглатываю, – тогда я верну тебе...

– А я разве просил? Думаешь, я не в состоянии заплатить за ужин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.